

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« МОРСКОЙ »
СПЕЦНАЗ

Михаил СЕРЕГИН

НА ГРЕБНЕ
ВОЙНЫ

Михаил Серегин
На гребне войны

«Научная книга»

2008

Серегин М. Г.

На гребне войны / М. Г. Серегин — «Научная книга», 2008

Капитан пиратского торпедоносца Сергей Рокотов любит риск и свободу. Вольная охота в водах Японского моря – стихия Рока и его команды. Но если среди прочей добычи попадется наркота, то она прямиком отправляется в море. А это прямой вызов наркодельцам. Потому-то наркобарон Михай объявил Року жестокую войну. Лихой кэп принимает вызов – его торпедоносец всегда готов к бою. Издавалась также под названием «Разборки в Японском море».

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	43
ГЛАВА 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Серегин

На гребне войны

ГЛАВА 1

– А-а, бога-душу-мать, через четыре монастыря, на пятый гвоздь в кресте, на который Христос шапку вешал, если она у него была... – вздохнул Степан Ильич Череватенко и положил пятерню на гладковыбритый круглый череп. – Спуститься разве на камбуз за «доктором»?

Степан Ильич, которого команда за глаза называла Червем за въедливость и фамилию, а обращалась только по имени-отчеству, стоял в ходовой рубке и вглядывался в туманную темень за стеклом иллюминатора. Череватенко, хоть и выглядел на свои пятьдесят, был крепким мужиком среднего роста и мог выпить за один присест триста граммов «доктора», как на флоте называли медицинский спирт. Так ничего и не разглядев, он оперся рукой о панель управления, на которой светились несколько экранов, вынул изо рта толстенную коричневую сигару, с которой почти никогда не расставался, и посмотрел на капитана, стоявшего рядом с ним.

– Я же просил тебя не пить, Степан Ильич. – Капитан, молодой мужчина со шрамом, рассекавшим его гладкий высокий лоб, бросил на боцмана укоризненный взгляд. – Смотри, – он показал на экран радара, где к мерцавшей зеленой точке с востока приблизилась еще одна, – к нашему клиенту гости пожаловали.

– Значит, все идет по плану, капитан, – боцман посмотрел на Рокотова из-под тяжелых набрякших век. – Я – быстро.

Он развернулся, что-то нечленораздельно пробормотал и, тяжело ступая, вышел из рубки походкой старого морского волка, оставив с капитаном штурмана.

– Ну Червь и неумный, – слабо усмехнулся капитан, не отводя взгляда от экрана радара, – уже неделю не просыхает.

– Да не дрейфь, Рок, – Ивар тонко улыбнулся, попыхивая короткой трубкой, – ты же его знаешь: сейчас он опохмелится и будет сиять, как надраенные леера на адмиральском катере.

– Знаю, – согласился капитан, продолжая следить за показаниями радара, на экране которого со стороны берега появилась еще одна точка.

Штурман тоже заметил ее.

– Нужно двигать потихоньку, – показал он на экран, – скоро здесь будут пограничники. Хоть все документы у нас тю-тю-тю – не подкопаешься, но лучше сейчас с ними не встречаться. Ведь у тебя другие планы, Рок?

– Поднять якоря, – скомандовал капитан, молча согласившись со штурманом, – малый вперед.

Подчиняясь команде капитана, завертелись шпили – вертикальные лебедки, загремели якорные цепи. Якоря, с которых стекала соленая морская вода, еще не застыли у клюзов, когда взревели мощные дизельные двигатели и торпедный катер, с названием «Вэндженс», снялся с места. Он мог развивать скорость до пятидесяти узлов (свыше девяноста километров в час), но сейчас его нос лишь мягко разрезал поверхность моря, даже не поднимая бурунов.

– Какие прогнозы на утро? – Капитан оторвал взгляд от экранов и посмотрел на штурмана.

– Плюс двадцать два, – блеснув стеклами овальных очков в тонкой оправе, ответил старший помощник. – Если, как обещали, ветер усилится, то к рассвету туман разгонит.

– Что за черт?! – Капитан впился взглядом в экран радара. – Это кто, погранцы? – Он показал на третью точку, которая быстро приближалась к тем двум, за которыми они следили.

– Не похоже, – покачал головой штурман, – они должны быть в том районе только через сорок минут.

– Тогда кто это, Немец? – Рокотов вперил в старпома пристальный взгляд.

На обычно спокойном прибалтийском лице Ивара, которого все называли Немцем, появились признаки озабоченности. Он вынул изо рта трубку и перевел взгляд на экран космической радионавигационной системы глобального позиционирования, сокращенно – GPS, на которой можно было совмещать собственное месторасположение с координатами других объектов. До места встречи оставалось несколько миль. Появление этого третьего корабля совсем не входило в планы Рокотова и его команды. Ивар был уверен, что это не пограничники. Но тогда кто? Вопрос капитана был вполне правомерен. Но у Ивара на него ответа не было.

– Подойдем поближе – увидим, – спокойно произнес он, понимая, что сделать больше ничего нельзя.

– Полный вперед, – скомандовал вдруг капитан, глаза которого яростно сверкнули.

– Погоди, Рок, не горячись, – старпом положил руку ему на плечо, – если подойдем раньше, все равно ничего не увидим: рассветет только через десять минут.

– Ладно, малый вперед, – согласился капитан, и взревели двигатели снова сбавили обороты.

Небо постепенно светлело, поднявшийся ветер начал разгонять клочья тумана. Тяжело ступая и дымя сигарой, в рубку ввалился боцман. Он и вправду словно помолодел. Кожа на лице и на лысой голове порозовела, в движениях появилась легкость, если можно говорить о легкости, когда речь идет о гиппопотаме, дыхание выровнялось, и глаза, по-прежнему скрытые набрякшими веками, лучились лукавой усмешкой.

– Матерь божия, святая Мария Магдалина, какого черта вы здесь выкаблучиваете, господа? – Степан Ильич уверенно подошел к пульту и быстро оценил ситуацию. – Чтобы мне никогда не пить рому, если это не какие-нибудь отморозки, трезубец им в задницу.

– Думаешь, это не пограничники? – Рокотов откинул прядь волос, упавшую ему на лоб, и зыркнул на боцмана.

– Чтоб мне провалиться! – гаркнул тот.

– Пора, – кивнул капитан и отдал команду: – Полный вперед.

Катер, высоко задрвав нос, стал стремительно приближаться к намеченной цели. Вскоре в разрывах тумана уже можно было различить две точки неподалеку от линии горизонта. Точки быстро увеличивались в размерах и приняли очертания кораблей. Один из них Рокотов знал наверняка. Он около недели наблюдал за его перемещениями и знал его расписание не хуже его капитана. Это был краболов – небольшое судно, предназначенное для лова краба, принадлежавшее компании «Акрос».

Одна из точек – скорее всего небольшой японский траулер или малый катер (точнее определить на таком расстоянии было невозможно) – отделилась от оставшихся двух и стала быстро удаляться к берегам Страны восходящего солнца. Это судно не интересовало Рокотова, поэтому все свое внимание он приковал к краболову и второму кораблю. Через пару минут уже можно было различить какие-то передвижения на этих двух судах. Второе судно оказалось тральщиком, только непонятно было, для каких целей оно подошло вплотную к краболову.

– Дай-ка сюда, – Рокотов почти выхватил у старпома морской бинокль.

Прижав его к глазам, он понял, что его кто-то опередил.

– Черт, черт, черт, – выругался капитан, – нас опередили.

Не оставалось почти никаких сомнений, что дело было уже сделано. Несколько вооруженных человек перебирались с краболова на палубу тральщика. Рокотов не мог разглядеть, остался ли кто-нибудь на краболове, но как только тральщик отчалил от него, на краболове

раздался сильный взрыв, и к небу взметнулись языки пламени. Корабль накренился на правый борт и начал погружаться в морскую пучину.

– Малый ход, – приказал капитан, не отрывая окуляров от глаз.

Торпедный катер сбавил скорость и стал медленно приближаться к краболову. Пройдя вдоль него правым бортом, Рокотов увидел, что на палубе в неестественных позах лежат несколько человек в рыбацких робах. Они лежали в лужах крови, и было понятно, что ничье вмешательство не способно их оживить. Но на судне, в каютах или в трюмах, еще могли остаться те, кому помощь была необходима.

– Боцман, – Рокотов опустил бинокль, – пусть несколько человек проверят краболов.

– Через три минуты он уйдет под воду, капитан, – мрачно хмыкнул Череватенко.

– Пусть проверят, я сказал! – заорал на него Рокотов, проведя пятерней по волосам спереди назад.

– Как скажешь, капитан. – С несвойственной его габаритам прыткостью боцман развернулся и выбежал на верхнюю палубу.

– Ивар, – Рокотов повернулся к штурману, – засеки курс этого гребаного тральщика, черт бы его побрал.

– Есть, капитан. – Штурман отвлекся от созерцания происходящего на краболове и принялся выполнять приказание Рокотова.

– Капитан, вертолет, по курсу зюйд-вест, – раздался в ходовой рубке напряженно-отчетливый голос радиометриста по внутренней связи.

Посмотрев в указанном направлении, Рокотов увидел военный «МИ-8», приближавшийся к месту катастрофы.

– Что будем делать, капитан? – Ивар вопросительно взглянул на Рокотова.

– Пока ничего, – пожал плечами Сергей.

Тем временем «Вэндженс» подошел вплотную к краболову, и три человека из команды перепрыгнули на его борт. Быстро обшарив все его помещения, они выбежали на палубу краболова, который вот-вот должен был пойти ко дну. Двое из команды перебрались на борт торпедного катера, но в этот момент краболов стал быстро погружаться под воду. На его палубе метался молодой чернокожий парень в красной рубахе. Он был совершенно лысым, и коричневая кожа на его голове блестела под первыми лучами восходящего солнца, как свеженачищенный медный клапан.

– Быстрее, Мумба! – заорали с катера.

С борта кто-то спустил штормтрап, и Мумба, оттолкнувшись от палубы погибающего краболова, успел зацепиться за деревянные перекладки, прежде чем судно ушло подводу.

– Полный вперед. – Рокотов облегченно вздохнул, поднял бинокль и стал смотреть в ту сторону, где за ключьями редкого тумана исчез тральщик. – Ивар, корректируй курс.

Штурман отдал несколько коротких распоряжений, и катер начал быстро набирать скорость.

– Вертолет, похоже, тоже преследует его, – произнес штурман, – вон, смотри на траверзе. Действительно, по траверзу катера в небе можно было заметить удаляющуюся точку.

– Тральщик там?

– Там, если не поменял курс, – пожал плечами штурман.

Он вынул изо рта потухшую трубку, выбил ее и положил прямо на пульт управления.

Тральщик появился в поле зрения даже быстрее, чем предполагал Рокотов. Он на всех парах уходил в сторону Тару™. У него были довольно мощные двигатели, но тягаться с торпедоносцем он был, конечно, не в состоянии. Пограничный вертолет кружил над тральщиком, приказывая тому застопорить машины, а тральщик, не обращая на него никакого внимания, шел к острову, где мог затеряться в какой-нибудь губе, которыми изобилывала береговая линия. Из вертолета дали предупредительный выстрел. Почти вся команда тральщика – чело-

век семь-восемь вооруженных до зубов корсаров – высыпала на палубу и открыла по вертолету беглый огонь из стрелкового оружия.

Пули отскакивали от бронированного днища вертолета, высекая снопы искр, которые были заметны даже при солнечном свете. Вертолет заложил вираж, уходя из-под обстрела, но потом снова вернулся и продолжил свое кружение над тральщиком. Команда преследуемого корабля только еще больше распалилась, усилила огонь по вертолету.

Торпедный катер, управляемый Рокотовым, подошел к тральщику уже достаточно близко, чтобы команда могла видеть все происходящее на его борту. Сергей наблюдал за ним, сохраняя невозмутимый вид, и только подрагивающие уголки губ выдавали его напряженное состояние.

– Право руля, – скомандовал он, видя, что тральщик забирает к острову.

Он хотел опередить его или, по крайней мере, отрезать ему путь к отступлению. Капитан тральщика, казалось, не обращал на маневры торпедного катера никакого внимания. Возможно, он и опасался вмешательства Рокотова, но не предполагал, чем оно может закончиться.

Тральщик, вспенивая за кормой зелено-голубую воду, неумолимо двигался к острову. «МИ-8» ходил над ним кругами, пытаясь остановить, но все его попытки были бесплодны. Вертолет мог бы выпустить ракету или две, чтобы остановить непослушное судно, но, видимо, его командир не мог получить команды с базы, а принимать решения на свой страх и риск не осмеливался. Тяжелая пятнистая машина проходила над тральщиком, едва не задевая радионавигационные приборы корабля, но тральщик шел себе и шел, словно кашалот, не замечающий рыбу-прилипалу.

В отличие от рыбы-прилипалы, выполняющей роль санитаря, который выедает из складок большого животного мелких вредителей, пилоты вертолета совсем не думали о том, что могут чем-то поживиться на борту тральщика. В их задачу входило заметить нарушителя, при возможности – остановить его и вызвать подкрепление с базы – сторожевой катер. Командир вертолета не мог и предположить, что преследование тральщика закончится для него трагедией. Всеми возможными способами он пытался заставить экипаж тральщика остановиться, после чего сдать его с рук на руки прибывшему сторожевику.

Рокотов был уверен, что командир вертолета уже сообщил координаты тральщика и сторожевой катер вскоре появится в поле зрения. Дальнейшие события развивались по сценарию, который не мог бы выдумать самый авангардный сценарист, вернее, сценарист такое придумать бы, наверное, мог, но чтобы такое происходило на самом деле...

Первым неладное заметил боцман. Степан Ильич ткнул своим коротким пальцем в иллюминатор и, не вынимая изо рта сигары, которая задымила всю рубку, внушительно сказал:

– Бога-душу-мать, сейчас они будут крабов кормить.

Рокотов понял, кого он имел в виду. На палубе тральщика появился человек, на плече которого лежала длинная труба. Опытным взглядом он определил в трубе реактивный гранатомет, ствол которого был направлен на винтокрылую машину.

– Он не сделает этого, – прошептал он, и в этот момент человек с гранатометом, находившийся на палубе тральщика, нажал на курок.

Промаяхнуться на таком расстоянии было невозможно. Граната, вылетевшая из гранатомета, словно бешеная птица, вонзилась в основание винта вертолета. Пятнистая машина моментально завалилась набок, ее винт заклинило, и, пролетев по инерции еще несколько сотен метров, она рухнула в море.

– Святая дева Мария, – боцман прищурил и без того узкие глаза, пытаясь разглядеть, что случилось с боевой машиной.

– Они его сбили, – констатировал Ивар, глядя на морскую поверхность, куда упал вертолет.

«МИ-8» еще несколько секунд держался на плаву, пока из него не вышел весь воздух, а потом, пуская пузыри, пошел под воду. Все произошло настолько быстро, что команда «Вэн-дженса», наблюдавшая за морским сражением, не сразу осознала, что, собственно, происходит.

– Стоп машины, спасательный плот за борт, – Рокотов среагировал быстрее всех.

В тот момент, когда торпедоносец, замедлив ход, проходил мимо места, куда свалился вертолет, с его борта в воду выкинули надувной плот. Упав на поверхность моря, капсула, из которой выдернули лить, начала быстро распрямляться и вскоре приняла очертания надувной лодки, способной вместить пять человек пассажиров.

Рокотов был спокоен. Если на вертолете кто-то остался в живых и им удастся выбраться на поверхность моря из затонувшего вертолета, они смогут продержаться до тех пор, пока к ним не подоспеет помощь. Большого для пострадавших он сделать не мог. Хотя у них на борту и было легководолазное оборудование, но если вертолет ушел на большую глубину, а его пассажиры не выбрались из машины, то им уже никто не сможет помочь. Если же экипажу удастся выплыть, то добраться до плота им будет несложно. Потом их подберет сторожевой катер, который уже наверняка спешит по заданным координатам.

– Полный ход, право руля, – Рокотов взглянул на Ивара, бесстрастное лицо которого не меняло своего выражения.

– Думаешь, они выплывут? – ник кому конкретно не обращаясь, произнес штурман.

– Здесь глубина не меньше двух кабельтовых, сраная дева Мария, чтоб ей пусто было, – буркнул боцман, провозжая взглядом место падения вертолета. – Нептун им поможет, дай ему бог, если не гуляет где-нибудь со своими сиренами.

– Хочешь взять их на абордаж? – Ивар вынул трубку и посмотрел на капитана.

– Корабль, к бою по ходу приготовиться, – Рокотов вперил взгляд в тральщик.

Боцман сноровисто подошел к пульту управления и поднял телефонную трубку.

– Дудка, мать твою, через Дарданеллов пролив, приготовиться к бою!

Юра Дудник, тридцатилетний сбитый парень с длинным хвостом сальных волос, с аккуратно подбритыми баками, шкиперской бородкой и бриллиантовой, в полкарата, серьгой в левом ухе, положил трубку и приступил к своим обязанностям. Усадив одного из своей команды за пулемет, поднявшийся из трюма, второго – за торпедный аппарат, который также скрывался до поры под палубой, сам вышел на нос к гафелю – передней оконечности катера – с переносным зенитным комплексом «игла». Ожидая дальнейших приказаний, он то ловил в перекрестье прицела ходовую рубку тральщика, то наводил ствол на корму шедшего почти параллельным курсом судна.

На тральщике, капитан которого наблюдал за приготовлениями на борту преследующего их судна, снова засуетились. По торпедоносцу открыли беспорядочный огонь, лишь по чистой случайности ни одна пуля не зацепила его команду.

– Ну че, так и будем смотреть на них? – Дудник кинул взгляд на боцмана, стоявшего на верхней палубе со своей неизменной сигарой во рту, не прячась от пуль, словно это были безобидные мухи.

Тот в свою очередь взглянул на капитана. Заметив его команду, он махнул рукой Дуднику.

– Огонь, семь ветров им в рыло, – пробурчал он себе под нос, но Дудник понял команду по одному только движению руки.

Ударивший с носа торпедного катера спаренный пулемет поразил пять человек из тех, что находились на борту тральщика.

– Торпеды отставить, – пытаюсь перекричать рев двигателей и рокотание пулеметов, зарычал вдруг боцман, – он нам нужен на плаву, Пресвятая Богородица!

– Понятно, Червь, – Дудник поднял руку, показывая, что понял команду, и сделал знак Лешке, который только и ждал приказа, чтобы пустить по тральщику торпеду.

Тот с сожалением покачал головой и, достав сигарету, сунул ее в рот. Прикурить на скорости катера сорок пять узлов было, мягко говоря, проблематично. Он даже не стал вынимать из кармана зажигалку, висевшую на блестящей серебряной цепочке, а просто зажал сигарету зубами и продолжал смотреть на тральщик, держа руки на рукоятках управления торпедным аппаратом.

С торпедоносца тральщику приказали остановиться, но он, казалось, ничего не хотел слушать. Вспенивая винтом воду за кормой, он стремительно приближался к Таруте, до которой оставалось не более трех миль. Ветер, задувший было с утра, спал, и море снова покрылось рыхлым голубовато-серым туманом.

Тральщик попытался сманеврировать, чтобы уйти из-под обстрела, но ему это не удалось. Пущенная Дудником ракета врезалась в корму и, разорвавшись, раскидала обшивку тральщика на десятки метров в диаметре. Дудник рассчитал верно. Ракета попала в корму почти на уровне воды, выведя из строя ходовой винт. Повредив дейдвуды – кедровые сальники, в которых вращается ось винта, – она разорвалась во вспомогательных помещениях, расположенных в корме корабля. Тральщик осел по мидльшпангоутной плоскости на корму и почти моментально застыл на месте.

Два человека из команды, оставшиеся в живых, заметались по палубе, не зная, что им предпринять. Сбавив скорость, торпедоносец подошел к тральщику вплотную, и на борт прыгнули несколько человек из команды Рокотова. Он и сам был одним из первых, кто ступил на борт поверженного корабля.

– Ты капитан? – Рокотов подошел к молодому парню с бородкой и лысой головой, который имел какой-то глуповатый вид.

Ему скрутили руки за спиной.

– Ну я командир, тебе-то чего?

Парень шевельнул плечами, но Мумба – чернокожий матрос, державший его за правую руку, отвесил ему чувствительный подзатыльник.

– Чего вам? – Капитан тральщика покосился на Мумбу и перевел хмурый взгляд на Рокотова. – Я ничего не знаю.

– Рок, давай быстрее, семикрылый шестихрен, – раздался с палубы торпедного катера зычный и одновременно хрипловатый голос боцмана, – скоро здесь пограничники будут, чтоб им гореть синим пламенем!

– Где товар? – Кивнув боцману, Рокотов уцепил рукой за толстую цепь, болтавшуюся на шее капитана тральщика.

– Что за товар, в натуре, командир, – заверещал лысый, – не знаю я ни про какой товар. Вышел в море за сайрой, а тут вы, как снег на голову. Отпусти, задушишь.

– А оружие вам зачем, – Рокотов, продолжая держать лысого за цепь, незаметно кивнул Дуднику, чтобы осмотрели тральщик, – по сайре стрелять?

– Командир, – лысый расплылся в улыбке, – честное благородное, я ничего не знаю. Шел себе своим курсом, никого не трогал. Вдруг пограницы на вертолете... но они сами упали, я их не трогал. А потом вы с каким-то товаром. Ты скажи, что тебе нужно, может, договоримся.

На шкафуте – в боковом проходе корабля – появился Дудник, покачивая в воздухе двумя прозрачными пластиковыми пакетами с белым порошком. Лысый не видел его, так как тот был за его спиной, и Рокотов подал Дуднику знак, чтобы не показывал пакеты никому из команды тральщика. Тот спрятал оба пакета за спину, хотя его и так не было видно с кормы, где Рокотов общался с захваченными пиратами, и перебрался на борт торпедоносца.

– От тебя мне ничего не нужно, мразь, – еще сильнее скрутив цепь на шее лысого, прошипел Рокотов, – но если ты будешь наркоту возить, лучше мне больше не попадайся, понял?

– Какая наркота, командир? Ты чего, Химику не веришь? – Лысый произнес эти слова чуть слышно, потому что воздух почти не поступал ему в легкие. – Я рыбку ловлю, иногда на трепанга хожу. Да, сдаем япошкам за гринь, а кто этим не балуется? Отпусти, командир.

Рокотов слегка ослабил хватку, но продолжал держать Химику за цепь, словно злую собаку за ошейник.

– Ты сбил пограничный вертолет, гнида, – слегка растянув губы, сказал Рокотов, – хочешь, чтобы я сдал тебя береговой охране?

– Ну зачем, зачем, – почувствовав небольшую свободу, заверещал Химик, – я никого не сбивал, он сам свалился. А тебя, командир, я запомню, буду твоим должником. Если помощь нужна будет, можешь ко мне обращаться. Меня ты найдешь или на тральщике, или в «Сороковой параллели».

«Сороковой параллелью» в Тарутинске называли ресторан, в котором собирались практически все деловые люди острова. Рокотов и сам бывал там не раз и, кажется, даже видел там Химику, но, уж конечно, не собирался обращаться к нему за помощью. Лучше бы было избавиться от этого отморозка, так как серьезно относиться к его словам не было никакого резона, но Рокотов был еще не готов вот так, глядя в лицо, убить человека. Он еще ослабил хватку, а затем оттолкнул Химику от себя.

– Гоните его в шею, – брезгливо поморщился он, – пусть гребет отсюда на хрен.

– Я погребу, погребу, командир, – подобострастно улыбнулся Химик. – Я тебя, моряк, никогда не забуду.

– Рок, едрена ламинария, – донесся с мостика торпедоносца голос боцмана, – Назарет запеленговал сторожевой катер. Через две минуты будет здесь.

Борис Назаров по прозвищу Назарет был в команде Рокотова радиометристом. Назаретом его называли не только за фамилию, но и за его усики и жиденькую бородку, делавшую его похожим на библейского Назаретянина. Назарет был классным спецом, и если он доложил, что к ним приближается сторожевик, то, значит, так оно и есть.

– Уходим, – Рокотов кивнул своей команде и, подождя, пока все заберутся на борт торпедоносца, двинулся следом за ними. – Полный вперед, лево руля, – приказал он, как только ступил на палубу своего катера. – Спрятать пулеметы и торпедные аппараты.

«Вэндженс» отошел от тральщика и, сильно накренившись на левый борт, взял курс в открытое море. До нейтральных вод было около восьми миль, так что через шесть-семь минут они будут вне пределов досягаемости. Скорее всего сторожевик и не пустится за ними в погоню, а будет заниматься тральщиком, но все же рисковать было нельзя: если они сейчас напорются на законников, объяснить, почему у них на корабле партия наркотиков, будет непросто.

Опершись на фальшборт, Рокотов застыл на шканцах. Незаметно к нему подошел Дудник и хлопнул его ладонью по спине.

– А, Дудка, – улыбнулся Рокотов, – молодец, хорошо сработал.

– Стараемся, капитан. – Дудник потрогал себя за серьгу и безо всякого перехода спросил: – Что с порошком будем делать?

– Давай его сюда, – кивнул Рокотов и двинулся к корме.

Когда Дудник принес пакеты с порошком, Рокотов взял один и слегка подкинул на руке. После этого достал из кармана нож с выкидным лезвием, нажал на потайную кнопку, отчего тонкое стальное лезвие тут же выскочило из рукоятки, и полоснул по мешку. Сильный встречный ветер не позволял попробовать порошок с ножа, поэтому Сергей взял порошок щепотью и попробовал на язык.

– Героин, – небрежно сказал он, задумчиво глядя куда-то в сторону севера, где горизонт снова начал очищаться от тумана, – тысяч на двести потянет.

– Долларов? – Дудник подергал себя за серьгу.

– Уж не деревянных, будь уверен, – усмехнулся Рокотов.

Он взял пакет за один угол и поднял над водой, позволяя порошку спокойно высыпаться сквозь прорезанное отверстие.

– Ты что, Рок, – осел изумленный Дудник, – ты же сам сказал, сколько это может стоить!

Освободив пакет от порошка, Рокотов позволил ветру вырвать его из своих рук и потянулся за вторым. Прodelав в нем новое отверстие, он невозмутимо смотрел, как опиум вылетает из пластикового пакета.

– Рок, остановись, – Дудник тронул его за плечо, – мы что же, зря себя под пули подставляли?

– Не зря, – резко отбросил его руку капитан, – свои деньги вы все равно получите.

– Какие деньги, Рок?! Где мы возьмем такие деньги?

Сергей даже не обернулся на слова старшины команды ракетчиков. Дождавшись, пока ветер разнесет по морю остатки наркотика, он круто развернулся и пошел в ходовую рубку.

* * *

Спустя примерно час вся команда собралась за завтраком в кают-компании. Порядки на торпедоносце Рокотова были хоть и строгими, но демократичными, поэтому Сергей почти всегда ел вместе со всеми. Подавал кок-кореец – Вова Ким, – которого все называли Ким Ир Сен, или просто Ким, а еще в шутку Доктор Смерть, так как он выполнял на судне также обязанности судового врача. Среднего роста, полный и круглолицый, Ким легко маневрировал в кают-компании, ловко расставляя приборы. Ему помогал Шурик – высокий блондин лет двадцати с небольшим. Радист Палермо, неунывающий итальянец местного разлива – его отец родился уже в России, а вот дедушка – аж в самом Неаполе, о чем-то шептался с Мумбой – ангольцем, попавшим в Россию нелегально в трюме сухогруза. Еще несколько человек разношерстной команды торпедоносца угрюмо перебрасывались короткими репликами, дожидаясь, когда появится боцман.

Уйдя от погони, катер дрейфовал в нейтральных водах, и казалось, команда может наслаждаться минутами отдыха, но настроение у всех было не самым лучшим. Причиной этому было то, что добыча, ставшая целью экспедиции, предпринятой командой Рокотова, оказалась на дне морском.

Завтракали молча. Даже пришедший боцман, постоянно отпускающий скабрзные шуточки и разговаривающий на специфическом морском языке, только изредка поглаживал лысину да дымил своей неизменной сигарой. Рок, сидя во главе длинного стола, напротив Череватенко, быстро проглотил завтрак и собирался покинуть кают-компанию, но боцман остановил его.

– погоди, кэп, морского ежа мне за пазуху, – негромко, но внятно произнес он, – команда желает с тобой говорить.

Поднявшийся уже было Рокотов снова опустился на свое место.

– Ну, – помолчав немного, упер он в боцмана пронзительный взгляд, – в чем дело?

– Дело в том, капитан, – боцман с трудом выдержал его взгляд, но все же выдержал, – что мы бы хотели тебя кое о чем спросить.

В кают-компании повисло напряженное молчание. Даже кок, который сел за стол позже других, положив ложку, добродушно глядел на капитана.

– Если вы про «дурь», которую я выбросил за борт, – Рокотов понял, о чем должна пойти речь, – то я не хочу обсуждать этот вопрос. Я здесь командир, и мне решать, на чем мы будем делать деньги.

Он собрался встать, посчитав инцидент исчерпанным, но боцман снова остановил его.

– Командир, конечно, ты, сто морских чертей и каракатицу мне в дышло, – повысил он голос, – но ребята правы, когда говорят, что рискуют своими жизнями неизвестно за что. Каждый из нас понимает, – он бросил короткие взгляды направо и налево, словно ища поддержки, – почему мы оказались в одной команде. Все мы принимаем условия игры. Все мы здесь вне закона, искатели удачи, приключений и воздуха свободы, но все мы хотим знать, и мы имеем на это право, почему ты так поступил с товаром, ради которого все рисковали своими жизнями, хоть и грош им цена в базарный день? Не хочешь же ты сказать, что мы должны подставляться под пули за здорово живешь. Даже сдав товар за полцены, мы могли бы существенно поправить свой бюджет. Я говорю не только о наших собственных карманах, ты знаешь, что топлива осталось от силы на двое суток похода. Наша посуда жрет за час сотню литров солярки, за которую теперь придется платить по полной программе, потому что у военных моряков у самих ее не хватает. Нам не мешает и пополнить запасы продовольствия. Так что хотелось от тебя что-то услышать по этому поводу. Я правильно говорю? – Боцман окинул взглядом помещение кают-компания.

– Да. Правильно. Точно, – со всех сторон послышались одобрительные возгласы.

Череватенко сунул в рот сигару, покрутил ее вокруг своей оси и, пуская клубы дыма, тяжело опустился на стул.

– Ладно, – Рокотов поднялся и, плотно сжав рот, обвел глазами всех присутствующих, – если вы так настаиваете, я скажу. – Он сделал глубокий вдох, откинул назад волосы и немного помолчал. – Я никогда не буду делать деньги на наркотиках и не потерплю их на борту. Это всем ясно?

– Ясно-то ясно, капитан, – ответил за всех Дед – русоволосый бородач Гена Кирильчик, исполнявший обязанности главного механика, – только вот, может, ты нам объяснишь, какого хрена мы этого краболова целую неделю пасли? Только для того, чтобы ты эту «дурь», из-за которой столько людей погибло, за борт выкинул?

– Из-за этой «дури» народу гибнет больше, чем на войне, – упрямо отрезал Рокотов.

– Я не спорю, – Дед пожал плечами, – только мыто здесь при чем? Мы же не отдел по борьбе с наркотиками. Нам за это деньги не платят.

– Если кому-то не нравится, как я командую кораблем, – Сергей злобно сверкнул глазами, глядя исподлобья в какую-то точку за спиной боцмана, – могут катиться отсюда хоть сейчас к чертовой матери. Еще вопросы есть?

– Ладно, кэп, не горячись, – Палермо, теребя себя за кончик носа, примирительно улыбнулся со своего места, – мы просто хотели узнать...

– Теперь вы узнали, – Рокотов сбавил обороты, – и давайте больше эту тему не поднимать. Думаю, сегодня мы можем позволить себе немного расслабиться. Ким, – он посмотрел на кока, – у тебя найдется в кандейке что-нибудь покрепче пива?

– Конечно, капитан, – круглое лицо корейца расплылось в улыбке.

– Тогда тащи, – махнул Рокотов рукой, – нужно обмыть удачно проведенную операцию.

Команда повеселела в предвкушении выпивки, но у некоторых членов этой пестрой компании все же остался в душе неприятный осадок. Кокс Шуриком вышли и вскоре вернулись, неся в руках бутылки с ромом, виски и медицинским спиртом.

ГЛАВА 2

Войдя в привычный полумрак специальной каюты, где его ждала ненасытная Агды, лежащая на застеленной оленьей шкурой низкой кушетке, Луганов-младший привычным, небрежным и даже каким-то дикарским жестом повесил свой пиджак от Гуччи на оленьи рога, служившие вешалкой, и потянул за узел галстука. Агды смотрела на него своими черными глазами, маслянисто-блестящими, бесстыдными и вопрошающими. Сегодня она была хороша как никогда. На ней был камуфляжный жилет с накладными карманами, черная кожаная мини-юбка и унты на босу ногу. Рядом покоилась ее знаменитая плетка. Здесь, в царстве восточного шика, который изо всех сил старалась имитировать Валентина, хозяйка заведения, этот слегка оремененный чум выглядел более чем экстравагантно. Да и сама Агды, родом из Эгвекинота, могла бы смело пройти по парижскому подиуму, если бы не была, конечно, такой тяжелой и кривоногой. Ее полное скуластое лицо, которому пристальный взгляд и томно приподнятый подбородок придавали напряженно-хищное выражение, своим жирным блеском затмевало единственный светильник, чье мягкое мерцание рождало на укрывших пол оленьих шкурах озерца жидкого золота.

Луганов с животной жадностью втянул ноздрями знакомый возбуждающий запах. Агды, как обычно, натерлась тюленьим жиром, и его слегка тошнотворный рыбий аромат будил в Игоре плотскую страсть, в которой смешались сыновняя любовь, страх и отвращение.

Он быстро разделся.

– Давай расслабимся, – Агды поманила Луганова к себе. Он покорно подошел и опустился рядом с миниатюрным столиком. На его гладкой черной поверхности лежал гляцевый порножурнал, а на нем – кучка белого порошка и лезвие.

Агды сыпанула щепоть кокаина себе на руку и, взяв лезвие, ловко сделала дорожку. Луганов нагнулся к ее запястью и втянул в себя белую волшебную пыльцу. Потом настала очередь Агды. Она нюхнула два раза и, закатив глаза, откинулась на шкуру. Луганов испытал сперва легкое головокружение, затем почувствовал жар в области сердца. Вскоре жгучая поволока облекла его желудок, потом кишки, перед глазами заплясали разноцветные пятна.

Луганов лег у ног Агды, на расстеленной на полу шкуре. Это послужило Агды сигналом. Она пробудилась, взяла плетку, довольно легко поднялась, приблизилась к Луганову, встала над его бледным внимательным лицом. Он смотрел на нее снизу вверх, замороженный темной бездной, разверстой между ее кривых, но сильных ног. Она присела, еще шире раздвинув ноги. До него донеслось дыхание ее горячего лона.

– Мальчик мой пришел навестить свою Агды, – раздался ее хриплый голос с едва сдерживаемой плотской интонацией, – он поцелует свою Агды?

Она изловчилась и буквально уселась Луганову на лицо, едва не сделав шпагат. Между его губами и ее «райским садом», издававшим терпкий запах, напоминавший не то смрадное дыхание ламинарий, не то прокисшее молоко, осталась щелка шириною в фалинь. Жесткие вертлявые волоски защекотали его губы. Он лизнул языком этот жаркий кустарник и застонал. Тогда Агды, как Луганов ни удерживал ее своими цепкими руками, поднялась и легонько пнула его в бок меховым сапогом. Луганов дернулся, поймал ногу, снял сапог и, перевернувшись на живот, заскользил языком по потной ступне Агды. Потом его язык, точно змей, жадно вклинился меж пальцев, обсасывая каждый в отдельности. Но блаженство Игоря длилось недолго. Агды выдернула ногу и, зычно засмеявшись, лягнула его в пах. Луганов издал резкий вопль, который, казалось, расшевелил в Агды самые темные желания.

– Ты будешь моим псом, беложопым псом, – надсадно проревела она, – псом, наделавшим в мои унты. На!

Она швырнула ему в лицо снятый им в порыве страсти меховой сапог. Луганов быстро сел на шкуре и поймал его.

– Сри! – жестоко приказала Агды.

– Не могу, – жалобно посмотрел на нее Луганов.

– Тогда игры не получится, – с раздражением сказала Агды, – собирайся и уходи.

Опечаленная, она вернулась на кушетку. Испугавшись, Луганов подставил под задницу сапог Агды и стал изображать акт дефекации. Он морщился, заискивающе глядя на холодную Агды, выкатывал глаза, словно его настиг запор.

– Вот, насрал, – поднялся он и, демонстрируя мнимо загаженный сапог, подошел к Агды.

– Мало! – осекла его Агды.

Луганов продолжил спектакль с дефекацией. Наконец, удовлетворенная его «работой», Агды встала с кушетки. Она неторопливо, поглаживая свои короткие, обесцвеченные, черные на концах пряди, подошла к Луганову. Тот не мог сдержать дрожи предвкушения. Сладострастие и страх избороздили его лицо, он как будто состарился. Жалкий и трепещущий, стоял он перед усмехающейся Агды, которая все вытягивала и вытягивала в липкие дудочки свои разделенные на пряди, смазанные тюленьим жиром волосы. Ее голова, похожая на морского ежа, казалась неким бездушным объектом, узкие щелки глаз вытянулись в черточки. Луганов так и называл их про себя «бесовские черточки». Он видел, что Агды довольна. Оставаясь по-прежнему в одном сапоге, она сорвала с себя жилетку, освободив свой гигантский бюст, который вместе со складками на ее потюленьи растекающемся животе рисовался Луганову неким первобытным пейзажем, подверженным медленному тектоническому сдвигу. Она схватила сапог и, понюхав его, швырнула в угол, едва не угодив в стоявший на полу телевизор.

– Мерзкий пес, – она пнула Луганова ногой, высоко задрав ее и попав тому в бедро, – сейчас я тебя проучу! На пол!

Она пихнула Луганова еще раз, и он оказался на полу. Выпятив зад, точно в ожидании поцелуя, он оперся ладонями о пол и встал на колени. И тогда Агды стегнула его по голому крупу. Луганов взвизгнул и сладострастно завращал задом. Следующий удар был сильнее, слаще, жестче. Луганов вздрогнул всем телом и протяжно застонал.

– Я тебя сдам на живодерню, паскудный пес! – орала Агды. – Отпилю твои яйца и заставлю тебя их сожрать. Будешь знать, как гадить в хозяйские унты!

Луганов заскулил. Агды со смаком стала хлестать его. Сделав несколько особо чувствительных ударов напоследок, она зарядила Луганову коленом в зад. Тот растянулся во весь рост на шкуре. Агды бесцеремонным движением перевернула его на спину и навалилась на него своим крепко сбитым телом, словно хотела задавить. Потом, все больше горячась и зверея, издавая грубые ревушие звуки, принялась кусать его в шею, сползая все ниже, пока ее голова не оказалась у его гениталий. Она лизнула их своим горячим мокрым языком, потом куснула, все сильнее стискивая зубы, словно, играя на трубе, раздражалась, что звук не выходит таким, как надо, и в порыве гнева жаждала откусить непослушный орган. Луганов выл и стонал, извивался и морщился. Внезапно по его лицу растекалась блаженная истома – в эти секунды Агды полировала его член языком перед тем, как вновь сомкнуть на нем зубы.

Когда орган Луганова уподобился башне, Агды с диким наслаждением села на него своей урчащей скважиной и заерзала, по-прежнему что-то выкрикивая и напевая. И все это сливалось в один долгий-предолгий рокот. Словно Агды исполняла древний ритуал, который жил в ее крови как племенная память, как отзвук жуткой ворожбы шаманского духа, поднимающегося вместе с морозной дымкой над необъятными льдами Чукотки.

– А-а-а, – стонал Луганов, точно околуподной жидкостью покрытый скользким жиром, источаемым Агды, – е-е-е-ещ-е-о... О-о!

– Тю-ю-юле-ень, ба-а-а-льшо-о-ой, о-о-о... – рокотала Агды.

И вдруг она подпрыгнула, задергалась, как пойманная на крючок рыба, потом содрогнулась всеми своими недрами, валясь на обмирающего от боли и удовольствия Луганова. Когда и его оглушило бредовое наслаждение, он вцепился в Агды, словно боялся, что какая-то холодная и неумолимая сила оторвет его от нее. Этой силой была сама Агды...

ГЛАВА 3

– На сейнер, – скомандовал вышедший решительным шагом из дверей офиса фирмы «Акрос» мрачного вида здоровяк с черным ежиком волос и седеющей бородой.

Дожидавшиеся его возле серебристо-серого джипа «Лендкрузер» двое парней и двое сопровождавших гиганта телохранителей заняли свои места в бронированной «Тойоте». Один из ожидавших сел за руль, его напарник – рядом, на пассажирское сиденье, а телохранители устроились с левой и правой стороны от своего хозяина.

– Бл... , твою мать! – выпустил пар здоровяк. – Я сначала не поверил этой мокрощелке, когда она мне зарядила, что этого сопляка на месте нет. Оказалось, правда, наш фраер на сейнере развлекается, да еще в разгар рабочего дня! Пока его папаша на островах загорает, сынок тоже решил в грязь лицом не ударить.

По губам сидевшего на пассажирском сиденье квадратноголового обритого бугая скользнула ехидная усмешка.

Сейнером Вячеслав Михеев, известный в широких кругах как Михей, называл принадлежавшее ему судно, переоборудованное в плавучую обитель порока. Казино, бордель, бассейн, бар и ресторан, где подавали не только морепродукты под разными соусами, но и блюда русской и восточной кухни, мирно уживались на борту бывшего сейнера, едва не списанного на металлолом. До сейнера, носившего теперь гордое название «Кураж», было от берега двенадцать с лишним миль. Моторная яхта «Соната» преодолевала это расстояние за полчаса. И этого времени было больше чем достаточно, чтобы спуститься в салон и выпить шотландского виски. Тем более что самому Михею беспокоиться не приходилось: на яхте находились ребята из его команды, один из которых, вертлявый парень с жесткими вихрами, выполнял обязанности гарса. Завидев джип хозяина, команда «Сонаты», состоявшая из трех человек, выстроилась вдоль борта. Капитан, хмурый дылда с длинным кривым носом и острым подбородком, озабоченно поглядывал в сторону джипа, он по голосу разгадал, что хозяин не в духе.

Михей тяжело вылез из машины. К нему тут же приклеились телохранители. Приблизившись к яхте, он исподлобья взглянул на капитана и, что-то буркнув, шагнул на палубу. Он не стал спускаться в салон, а устремился на кокпит.

– Виски, – приказал он гарсу, увивавшемуся тут же.

Гарс хорошо знал вкусы хозяина и дорожил своим местом. «Соната» была его мечтой, она нежила его воображение своими обтекаемыми линиями. Похожая на небольшой теплоход, основательная, надежная и мобильная, она представлялась ему верхом комфорта. И этот смурной человек, которому он подавал виски и который одарял его полным высокомерного пренебрежения взглядом, был в его глазах почти богом. Дело в том, что гарс не успел еще испортиться, он сохранял детскую живость и впечатлительность и к своим обязанностям относился с долей романтизма. Море накладывает на живущих возле него людей свой неизгладимый отпечаток, и даже воры в законе выглядят на его водах отчаянными пиратами.

– Сядь, – приказал Михей гарсу, – что ты мельтешишь?

Гарс повиновался. Такое с Михеем случалось часто: когда он нервничал, то в качестве психотерапии старался отвлечься от горьких мыслей, расслабиться и завести разговор о другом. Не исключено, что таким образом, не расплывая себя, он хотел сохранить запасы своего гневливого темперамента, чтобы в нужном месте в нужный час выплеснуть свою желчь и негодование на виновника потрясения.

– Как тебе это корыто, – натянуто улыбнувшись, обратился он к гарсу, – впечатляет?

– Еще бы! – благодарно воскликнул тот.

– Ты тут недавно, – продолжил беседу Михей, – присматривайся, не вечно ж тебе пойло подавать да ракушки жарить.

– Пропульсивная установка, одновальная дизель-редукторная с приводом на винт фиксированного шага, система осушения, вентиляции, кондиционирования воздуха, дизель-генератор, аккумуляторные батареи. Средства связи и навигации... Магнитный компас, навигационная РЛС, GPS, лаг, эхолот, носимая и стационарная УКВ-радиостанция...

– Видали, как чешет? – коротко рассмеялся Михей, кивнув своим телохранителям, уныло потягивавшим апельсиновый сок. – Этот малый далеко пойдет. Если б наш козел был таким же сообразительным и любопытным, нам бы не пришлось сейчас рассекать просторы и хвататься за сердце.

«Хвататься за сердце» было одним из любимых выражений Михея. В нем ему мерещилось что-то медицинское и наивно-бытовое одновременно. Он был озабочен своим лексиконом. Стремясь окончательно встать на путь легального бизнеса, Михей и в речи старался придерживаться выработанных житейским опытом норм. Хотя в глубине души понимал, что ему, как одному из самых крупных в регионе представителей воровского бизнеса, вряд ли это удастся. Иногда, правда, претендовал на высокопарный слог и, будучи не в силах отмежеваться от воровского жаргона, выдавал порой такие словесные ковриги...

Катер стремительно отдалялся от берега, и сидевшие на кокпите могли видеть позади только узкую полоску земли с игрушечными каланчами кранов, буквой Г замерших в серовато-дождливом небе. В этом зрелище было что-то волнующее, и если бы не равномерно-быстрое и мощное движение катера, наполняющее душу радостным чувством свободы, пейзаж порта вызывал бы чувство грусти и покинутости. Телохранители Михея, конечно, были далеки и от того, и от другого, все, что их заботило, так это настроение хозяина, деньги и футбольные матчи по телевизору. А вот на гарса это плавание все еще действовало завораживающе. Он скользнул осторожным взглядом по лицу Михея. Тот молчал, вперившись взглядом в убегающую акваторию порта. Не давая выхода эмоциям, авторитет напрягал мысль в тщетном усилии понять, как так произошло, что груз, на который он возлагал столько надежд, не дошел до места назначения.

– Как там тебя... – поверх омота невеселых раздумий посмотрел он на гарса.

– Пашка, – ответил тот.

– Давай, Пашка, еще виски, – хрипло проговорил авторитет, еле сдерживая себя, чтобы не вскочить и не покрыть десятиэтажным матом Луганова-младшего.

Михей непроизвольно сжал кулаки. Потом нервно взглянул на часы. Махнув еще полстакана виски, принесенного расторопным гарсом, он перебрался поближе к рубке. Маячившее на занавешенном тяжелыми сизыми облаками горизонте темное пятно быстро разрасталось. Вскоре из его смутных округлых контуров вылупился прямоугольник, и Михей понял, что через пару минут шагнет на трап «Куража».

* * *

Агды отпихнула Луганова-младшего, встала, прошлась по комнате с господской вальяжностью. Ее выпирающие мощные ягодицы, казалось, сияют вырваться из-под сковывавшей их кожаной юбки. Агды взяла лежавший на телевизоре рядом с пультом мобильник и швырнула его толком не пришедшему в себя Луганову.

– Ивана с Сулейманом заказывать будешь? В прошлый раз тебе понравилось, – сказала она остывшим голосом.

Луганов приложил трубку к уху.

– Валентина, давай пестрый состав, – заплетающимся языком произнес он.

Потом бессильно опустил трубку на шкуру. Агды с каким-то жестоким лукавством посмотрела на него.

Не прошло и трех минут, как в каюту вошли двое. Один – рыжеволосый детина в русской рубахе, сапогах и с красным кушаком, похожий не то на героя народных сказок, не то на приказчика. Другой – составлявший первому резкий контраст – гибкий, смуглый юноша с серьгой в ухе, с голым торсом, в шальварах, чалме и туфлях с серебряными загогулинами на носках. Черноглазый, с женственным лицом, он походил на восточного травести или переодетую мужчиной девушку.

– Иди сюда, Иван, – поманила «русского» прилипшая к стене Агды.

Он повиновался с усмешкой. Луганов, затаив дыхание, наблюдал за ними. Иван развязал кушак, подошел вплотную к нахально улыбающейся Агды и запустил пятерню ей между ног. Агды застонала, заерзала. Иван спустил штаны и взял ее стоя. Он не без труда поднял грузноватую Агды, вытянув ноги вперед так, что он оказался замкнутым меж ее огромных ляжек, и стал ритмично дергаться, то таща ее на себя, то толкая в стену. Этот акт напоминал соитие неандертальцев – такими огромными и дикими были Агды и Иван. Когда рывки и крики сменились стонами, когда Иван опустил Агды на ноги и, подтянув на ягодицах упавшие до колен штаны, отошел к кушетке, Луганов отпустил свой орган, который, глядя на неистовую парочку, задумчиво тербил.

Между тем «восточный принц» разделся. Иван, немного повременив, тоже разоблачился. Он оставил только сапоги, сказочно-красные и высокие.

– А теперь, ребята, поимейте меня во все дырки! – грозно рявкнула Агды.

Она сняла юбку, скинула сапог и разлеглась на шкурах. Иван и Сулейман принялись облизывать ее. Потом Иван приподнял ее, дико рокочущую и разомлевшую, уложил на себя. Агды задергалась, и Луганов понял, что Иван вошел в нее. Сулейман, нимало не смущаясь, налег на Агды сверху. Сначала он запустил в сфинктор Агды палец, потом и член. Луганов с вожделением и страданием – ревность все же доставляла неудобство, хотя и служила мощным возбуждающим фактором – смотрел на это плотское чудо. Тройка работала словно отлаженный механизм. Казалось, паровоз, выдувая пар, хрипя, свистя и отдуваясь, катит по рельсам, или какое-то гигантское насекомое пережевывает самое себя. «Настоящий сюр», – думал Луганов.

– А ты, козел недотраханый, что стоишь? – прохрипела Агды, обращаясь к Луганову.

Игорь вздрогнул и, приблизившись к «машине», встал на колени у изголовья Агды. Голова Ивана ударялась ему в бедра.

– Давай! – крикнула Агды – настоящая виртуозка. Луганов, как был, на коленях, заполз на Ивана. Его задница теперь дышала Ивану в лицо. Агды схватила ртом член Луганова и принялась свирепо сосать. Луганов закинул голову, закатил глаза и... кончил.

* * *

Телохранители подтянулись, то и дело бросая на Михея быстрые выжидательные взгляды.

– А вот и наша резиденция, – с ухмылкой произнес Михей.

Ветер с отчаянной силой полировал его едва обросший порослью черных волос череп, ерошил бороду. Его упрямые порывы вмиг развеяли слабый хмель, вызванный виски, и Михей был так же трезв, как в тот момент, когда ступил на палубу «Сонаты».

Бортовые огни сейнера и праздничная иллюминация были потушены. Сейчас корабль выглядел по-бытовому. Несколько моторных лодок, пришвартованных к нему, – это все, что напоминало о присутствии людей. Михея ждали на борту, поэтому в дополнение к таким молчаливым свидетельствам человеческого присутствия, как лодки, добавились два силуэта наверху.

Михей поднялся по трапу на борт.

– Лугань здесь? – спросил он круглолицего коротко стриженного блондина в тельняшке навыпуск поверх черных расклешенных брюк.

Этот вопрос прозвучал риторически, потому что среди пришвартованных к сейнеру моторок опытный взгляд Михея выделил ультрасовременную лодку, на которой обычно разъезжал Луганов.

– Вроде да, – с ленцой ответил парень, лукаво улыбнувшись – он чувствовал ненужность подобного вопроса.

– Хеллоу, – молодая женщина в черных кожаных брюках и красной кофточке с вырезом до пупа шла навстречу Михею.

– Фраерок с твоими забавляется? – хмуро зыркнул на нее Михей.

– Ты имеешь в виду Игорька? – рассмеялась женщина.

– Да, – рявкнул Михей.

– Что-то ты, братец, сегодня не в настроении, – усмехнулась женщина.

– Валентина, не доставай, – огрызнулся Михей. Он отодвинул ее и зашагал по обитому ковровым покрытием полу вдоль лоснящихся полированным дубом кают по направлению к корме. Телохранители, молчаливые и мрачно-сосредоточенные, последовали за ним. Замыкал шествие круглолицый «матрос». Поднявшись по трапу, Михей оказался перед двустворчатой дверью, мозаичное стекло которой не давало никакой возможности заглянуть вовнутрь. Два охранника с заспанными физиономиями поспешили освободить проход. Он распахнул дверь широким нетерпеливым жестом, отбросил разноцветные бамбуковые висюльки, прыгнувшие ему в лицо мелодично шуршащим дождем, и вошел в просторное, искусно затемненное помещение, служившее посетителям холлом, неким преддверием райских утех. Авторитета не впечатлили ни обитые изумрудным и багряным бархатом диваны, по-восточному низкие и широкие, с обилием подушек, ни кальяновые трубки, ни затянутые шелком стены, ни инкрустированные столики с изысканными яствами и сладостями. Вспугнув сидевших тут и там полуобнаженных девиц, он ринулся в глубь салона. Вышел в коридор и мимо дверей кают направился в самый его конец.

Валентина и телохранители бежали за ним. И тут его слух пронзили крики. Дверь одной из кают распахнулась, и оттуда выбежал одетый в широкую рубаху рыжеволосый парень. В руках он держал штаны. На его голых, поросших рыжими волосами ногах полыхали красные сапоги. Лицо у парня было тоже красное, словно он вывалился из парилки. За ним вылетел совершенно голый смуглый парень. Улыбка тут же слетела с его лица, как только он увидел злобное лицо Михея. Физиономия последнего стала еще жестче и мрачнее, когда тишину обитого деревом и устланного ковровой дорожкой коридора прорвал оглушительный рык Агды.

– Что за бардак? – рявкнул Михей и повернулся к нагнавшей его наконец сестре.

Та лишь смущенно улыбнулась и, приблизившись к брату почти вплотную, тихо проговорила:

– Твой дружок развлекается... Это такая игра, Слава, не злись...

– Я и не злюсь, – оторопело таращился на голых мужиков Михей, – только ты знай: если еще такой бордель застукаю, разгоню твоих пташек всех до одной и тебя спишу на берег.

Рассудительная Валентина знала цену этим взлетающим хлопущими угрозам и потому вместо ответа взяла брата под локоть и потянула к своей каюте.

– Ну-ка марш отсюда! – заорал на мужиков Михей, а Муха, блондинистый парень, следовавший за Михеем, едва не подавился смехом.

Телохранители авторитета только раз переглянулись. Их тупые морды поражали Валентину своей хронической невозмутимостью.

– Ты знаешь, сколько твой маменькин сынок выпуливает за этот спектакль? – Валентина знала, что упоминание о получаемых ее заведением прибылях благоприятно действует на Михея и ради них он способен допустить все, что угодно.

– Знаю, – вырвал он руку, – только все равно: предел свинству должен быть...

– А ты что, записался в полицию нравов? – ехидно поддела его Валентина.

– Никуда я не записался, – раздраженно буркнул Михай и пошел дальше.

Валентина махнула рукой растерявшимся проститутам. Они моментально покинули коридор и скрылись в дальней каюте.

– Кто там у тебя так орет? – спросил Михай, изображая на лице крайнюю степень брезгливого отвращения.

– Агды, – рассмеялась Валентина, зная, что это имя ничего не скажет брату.

– Не баба, а кинконг, – усмехнулся Михай.

– Ты даже не представляешь, насколько метка твоя характеристика, – хихикнула Валентина.

Войдя в каюту сестры, Михай вальяжно расположился на небольшом пышном диване и гаркнул:

– Водки и семги!

Войдя в каюту вслед за братом и телохранителями, оставшимися стоять по обе стороны от дивана, Валентина села за бамбуковый стол.

– Чисто гарем, – хмыкнул Михай. – Зови Луганя.

– Только ты не нервничай и не торопи его, – лукаво улыбнулась Валентина, – ему еще нужно принять душ. Агды его измордовала, к тому же от нее несет, как от торговли рыбой.

– Наш фраер совсем рехнулся. Чего ему не хватает? – явно кокетничая – кому, как не ему, было знать, сколь прихотливы и извращенны порой вкусы богатеньких сынков, – пробубнил Михай.

– Ему не хватает мамы... – растянула губы в издевательской усмешке Валентина.

– А ты знаешь толк в этом? – поднял на нее насмешливо-недоверчивый взгляд Михай.

– Я знаю толк в том, чем руковожу, в том, как доставить наслаждение и соплякам, и солидным джентльменам, – парировала Валентина.

Она сняла с пояса мобильник и вызвала свою помощницу, восточного вида девушку с черными гладкими волосами, одежда которой состояла из лифа с нашитым на нем стеклярусом и шальвар. На ногах у нее были серебристые туфли без задников. Валентина что-то шепнула ей на ухо. Девушка бросила на нее молчаливый понимающий взгляд и вышла из каюты.

– Почему бы тебе тут все не организовать, как в китайском борделе? Откуда эта персидская дурь? – поморщился Михай, меняя тему.

– Это, дорогой мой братец, салон для состоятельных клиентов. Для менее состоятельных – простой русский бордель. Но ты мне подсказал идею. В скором времени я организую бордель для любителей китайщины и японщины. Только вот гейши, боюсь, будут тебе не по карману.

Михай ничего не ответил – у него сдавали нервы, и, как он ни держался, отвлекаясь на болтовню, нетерпение давало о себе знать.

Через минуту вошла черноволосая девушка с серебряным подносом в руках. Она поставила перед Михеем запотевшую бутылку «Абсолюта» и керамическое блюдо с кусочками тонко нарезанной мороженой семги. Рядом пристроила пиалу с острым соевым соусом. Тут же удалилась, что-то тихо сказав Валентине.

– Этот урод мобильник отключил, я к нему на работу – секретутка сказала, его нет. Я, блин, не поверил! А он, оказывается, здесь у тебя синюю птицу ловит.

– А что случилось-то? – вяло поинтересовалась Валентина.

– А то, что если и в дальнейшем будет случаться, то нечем будет не только за гейш платить, но и не на что будет твой бордель содержать! – гневно воскликнул Михай.

– Да ладно тебе, – усмехнулась Валентина, – ты что, мало на рулетке имеешь, да и на всем прочем?

– Ишь ты! – качнул головой Михай. – Так где этот лопух?

– Думаю, он одевается, – с ироничной томностью пропела Валентина, – не хочешь же ты, чтобы он предстал перед тобой в неглиже?

– И что это он зачастил в бордель?

– Думаю, у него крыша от Агды едет, – загадочно улыбнулась Валентина, – я и сама дивлюсь, вот уже две недели, как он регулярно ее посещает.

– Меня это не касается, – с упрямым видом сказал Михей и набычился. – Какого хера он мобильник вырубил?!

– Чтоб ты ему не мешал, – снова улыбнулась Валентина.

В каюту вошел Луганов. Как раз в этот момент Михей взял кусочек семги, макнул ее в соевый соус и опустил в рот. Луганов-младший официально владел рыболовецким предприятием «Акрос», суда которого часто арендовал Михей. Высоколобый, длинноносый, с хитроватым взглядом прищуренных темных глаз, Луганов вполне стоился бы на роль героя-любownika в каком-нибудь сериале. Но умных женщин часто озадачивала в нем некая слащавость, некая червоточина, просматривающаяся в рисунке его тонких губ и во взгляде.

– Что случилось? – Луганов словно почувствовал опасность.

– Валентина! – выразительно посмотрел на сестру Михей.

Она достала из бара стаканы и покинула каюту.

– Груз исчез, – коротко сказал Михей, приковав пристальный взгляд к лицу Луганова-младшего.

– Ка-а-ак исче-ез? – заикаясь от волнения, отпрянул Луганов.

– Та-а-ак, – передразнил его звереющий на глазах Михей, – так, пропал... просто: о-па – и нет!

– Но это же мое судно?! – вскричал Луганов, Михей действовал ему на нервы своей издевательской манерой разговаривать.

– Ты галстук поправь, – криво усмехнулся Михей. – Да не тарась ты на меня зенки, я сам за сердце хватаюсь. Ты какого хрена мобильник вырубил?

– И что, правда никакой информации? – спросил Луганов, машинально поправляя галстук.

– Ну отчего же, – Михей весь напрягся, его кулаки непроизвольно сжались, – есть информация. Погранцы рапортовали, пока сами не откинулись.

– А наш краболов? – не верил своим ушам Луганов.

– Пропал, – нервно хохотнул Михей, – к чертям собачьим. Затонул твой краболов! Только вот груз, я в этом уверен, на дно не пошел, а осел у кого-то...

– У кого? – тупо спросил Луганов, все еще теребя съехавший галстук, который ему так и не удалось привести в должный вид.

– Водки хочешь? – предложил Михей.

Луганов кивнул. Авторитет наполнил рюмки. Одной рукой взял свою, а другой потянулся к ломтикам семги. Луганов махнул рюмку и, с трудом проглотив жгучую жидкость, поморщился.

– Не умеешь ты пить, не так дышишь, – не скрывая раздражения, прокомментировал Михей.

Сам он выпил с аппетитом, шумно выдохнул, понюхал смоченный соусом прозрачный кусочек семги, задумчиво пожевал губами, облизнулся и только потом проглотил. Удовлетворенно крякнул, затем снова помрачнел.

– Информашкой интересуешься? – иронически приподнял свои густые черные брови Михей. – Груз наш, если верить законникам, у Химика. Слышал про такого?

– Беспредельщик, что ли? – Луганов тоже взялся было за рыбу, но едва положил на язык ломтик, поморщился и чудом не сплюнул.

– Ив деликатесах ты ни хрена не понимаешь, – усмехнулся Михей.

– Не понимаю, как можно сырое мясо есть, – согласился Луганов.

– Тебе бы все паровое да тщательно прожаренное... – судорожно рассмеялся Михей. – Ты хоть понимаешь, что там груза на двести тысяч?!

Луганов хлопал глазами.

– А судно? – выдавил он из себя. – Оно знаешь сколько стоит?

– Мне братва московская подставит судно под задницу, если я их обделю, – мрачно процедил авторитет. – Вот такая маза, – подытожил он.

Он снова наполнил рюмки водкой.

– Только вот с Химиком тоже странная история приключилась. Что удивительного, – пожал плечами Михей, – мы же на море живем. Природа дает немислимые богатства, но и спрашивает строго, – его потянуло на лирику. – Так вот, Химика пограницы со сторожевого катера повязали. Он еще с одним козлом на краболове чертыхался. Груза никакого. А судно то еле-еле на воде держится, вся корма вдребезги... А вот вертолетчики передали, что на краболов твой еще какая-то братва высаживалась, с другого катера. Но эти так, походили, побродили, а потом к себе подались. Груза, похоже, у них не было. А потом, Игорек, радист с вертолета передал, что этот неопознанный плавающий объект шел за грабителем, то бишь Химиком. Что было дальше – об этом история умалчивает. Вертолетчики под воду канули. Пилот успел доложить, что по ним стреляли с тральщика. Вот так чудеса! А пограницы со сторожевого катера плот надувной обнаружили недалеко от места падения вертолета. Выходит, некий третий, этакий новоявленный спасатель на водах, о вертолетчиках позаботился, хотя им это и не понадобилось. Так что, видимо, это Химик наших раскидал и груз захапал.

– Значит, он, – желваки на скулах Луганова заходили, как морские буруны.

– Врет он, что груза не брал, – злобно сощурил глаза Михей, – кто ж тогда? Кто его корыто раздолбал – вот что интересно. Наши или эти благородные инопланетяне, мать их за ногу?

– И где же тогда груз? – недоумевал Луганов.

– Думаю, этот мудила своих с берега вызвал. Погрузил наркоту на катер, а сам остался на судне, для отвода глаз... Черт его знает... Он же беспредельщик.

– И где сейчас этот отморозок?

– В ментовке парится. Он себя жертвой выставил, мол, напали корсары гребаные, судно измордовали, команду покоцали, сам чудом жив остался. Вот я и хотел твоего участия. Отзовнись или гребни к Федору Николаевичу, объясни ситуацию, пусть он на своих людей в ментовке надавит и эту гниду выпотрошат... Я, со своей стороны, тоже шепну кому надо... И вообще, нужно бы иметь полную информацию об этой хреновине. Надо к нашему Химику какого-нибудь опытного опера приставить, чтоб ничего, падла, не утаил. Меня интересует груз: куда он его замылил? Ты меня понял?

Луганов кивнул.

– Ну давай, – Михей поднял рюмку.

Луганов отказался, и Михей выпил один. Потом закусил семгой и снова приковал к Луганову грозный испытующий взгляд.

– Я каждым граммуличком дорожу... Вот как оно получается, – решил он пофилософствовать напоследок, – ни хрена твоим морякам доверять нельзя. Не на риф, так на беспредельщиков напорятся, забодай их комар...

– Так постой, – востепенулся задетый за живое Луганов, – а где ж твои бойцы были? Видно, и они лоханулись...

– Это твои мичманы да штурманы не умеют препятствия обходить, – набычился Михей, – мои только на палубе могут сражаться, а вот судном управлять – это дело твоих молодчиков. Набрал хрен знает кого, а потом мне еще предьяву делаешь.

– Это наша общая беда, – скрывая раздражение, сделал попытку примирения Луганов.

– Боюсь, этот мент поганый нам все дело испортит. Я его пугнул, так нет, все равно исподтишка пакостит.

– Ты о Кондрашове?

– А то о ком! – с досадой воскликнул Михай. – Ну так ты перетрешь с отцом? Да, и еще, пока не забыл. Попроси у отца конвой из двух сторожевых катеров для парома... ну, ты понял...

Михей собирался заключить очередную сделку с японцами – продать им приписанный к «Акросу» сейнер на металлолом и на вырученные деньги прикупить паром японских иномарок с целью их дальнейшей перепродажи на материке. По документам сейнер шел на ремонт, на самом деле оседал где-нибудь в Осаке, Иокогаме или Нагасаки. Таких сделок они с Игорем провернули уже пять, причем с согласия Луганова-старшего, отца Игоря, вице-губернатора Таруты. Но Федор Николаевич, учитывая, что из центра на Дальний Восток едет комиссия, а также надвигаются выборы, решил приостановить этот бизнес. И тем не менее Михай, парень алчный и рискованный, даже дикий, затеял шестую сделку.

– О чем речь! – утвердительно кивнул Луганов. – Главное, не надо отчаиваться...

Михей презрительно глянул на это чудо наивности.

– Ага, – усмехнулся он, снова берясь за бутылку, – скажи, ты и впрямь с кинконгом трахаешься?

Луганов вытаращил глаза. Он кипел негодованием. Его возмущенный и растерянный взгляд рассмешил Михея.

– Моя сестрица – большая выдумщица, – Михай поднял рюмку, – это мне в ней нравится, но иногда она лишку дает. Хоть бы краем глаза взглянуть на эту... как там ее... А-а-а... забыл, черт. Да ладно, расслабься. Это сейчас не важно, важно груз найти и виновных наказать.

ГЛАВА 4

С мешаниной образов в голове, в которой преобладали лица кровожадной Агды и не менее кровожадного Михея, Луганов отбыл в неизвестном для Валентины направлении. Он успел сунуть ей четыре стодолларовые купюры и подмигнуть с деланой веселостью, после чего вызвал из бара двух своих «телков» и быстро спустился с трапа в лодку.

Уже на ходу он позвонил отцу и известил о своем визите.

Федор Николаевич предупредил сына, что на борту адмиральского катера он находится не один, а с губернатором. Луганов никак не прореагировал на это – его не покидала злоба на Михея, обвинившего в нерадивости матросов потопленного судна, и знакомое жжение в области желудка, которое возникало у него всякий раз, когда ему не удавалось поговорить с Агды по душам. Голый секс не насыщал его, а только вызывал новое неукротимое желание, а вот доверительная беседа с Агды, когда она снимала с себя маску разгневанной богини и притворялась нежной матерью, утишала его тревогу и позволяла несколько дней обходиться без кокаина, к которому он приохотился совсем недавно, с подачи Агды. Мир наркотика и дикого секса настолько поглотил Луганова, что ему с трудом удавалось в последнее время контролировать свой бизнес и быть примерным сыном.

В голове у него жужжало, рокот мотора раздражал его, пелена моря, качаясь под его рассеянно-отчужденным взглядом, вызывала легкую тошноту, дымящиеся у горизонта облака навевали тоску. Он издали приметил сторожевой корабль, который никак не прореагировал на его появление – команда судна была предупреждена его отцом, вице-губернатором Таруты. С другой стороны маячило темное пятно пограничного катера, прямо по траверзу в сереющей дымке вырисовывались контуры адмиральского катера.

Было не холодно, но пасмурно – частая летняя погода в этих широтах. Но Луганова сегодня это угнетало. Адмиральский катер, белый с красными проемами, с декоративным штурвалом (управление осуществлялось при помощи рычагов и движков), имел в длину примерно пятнадцать метров. Он развивал скорость тридцать два узла и за восемнадцать часов хода сжирал шестьсот литров газа. Но сейчас он покоился на спокойной поверхности моря, и с его борта неслась громкая ритмичная музыка. На деке и кокпите Луганов заметил несколько человеческих фигур. На судне царил атмосфера пьяного веселья – это Луганов сразу же понял, едва приблизился к катеру еще на несколько десятков метров. Со стороны кормы он заметил ялик, в котором на банках сидели два парня в тельняшках и чего-то напряженно ждали. Их хмурые лица не вязались с оживлением танцующей под навесом кокпита публики. Девицы были голые, мужчины – в плавках. Луганов узнал в одном из них своего отца. Тот был слегка под мухой, а вот губернатор, облаченный в синие с красным трусы, еле держался на ногах. Пока Федор Николаевич жестикулировал, подавая знаки сыну, губернатор, крепкий усатый мужик, танцевавший с высокой блондинкой, неожиданно быстро отеснил ее на край палубы и... швырнул через фальшборт в воду. Девушка полетела спиной, широко разбросав в воздухе руки. Раздался душераздирающий визг, а вслед за ним истошный хохот.

Мичман и два моториста, которых Игорь Луганов знал в лицо, с философским спокойствием наблюдали за развлечением сильных мира сего. Бритоголовый парень, выполнявший обязанности гарса, в тельняшке и расклеванных брюках, поспешил к загибающемуся от смеха губернатору с подносом в руках. На подносе выселись фужеры с коктейлями. Когда бушевавший в губернаторе восторг стих, он взял один из фужеров и махом осушил его. Темноволосая девушка, которую, заметив катер сына, Федор Николаевич выпустил из рук, с выражением крайнего изумления на гладком глупом лице смотрела на свою барахтающуюся в воде подружку.

Чтобы подольше посмешишь губернатора, матросы с ялика не спешили вытаскивать девушку, а ограничились тем, что кинули ей спасательный круг, привязанный за лить. Между

тем один из мотористов, высокий прыщавый парень, помог Луганову-младшему подняться на катер.

– Я тебя предупреждал, – поморщился Федор Николаевич, спешащий с кокпита к сыну, – забавы холостяков...

Он вздохнул и остановил на озабоченно-недовольном лице сына ироничный взгляд. В свои пятьдесят с хвостиком Луганов-старший выглядел на сорок пять. Худощавый, подтянутый, с благообразным лицом и аккуратной бородкой, он производил впечатление человека, не чуждого культурных запросов и прогрессивных идей. Вот только холодный оценивающий взгляд и вкрадчиво-ехидная улыбка выдавали его хитрую изворотливую натуру.

– «И за борт ее бросает...»? – через силу улыбнулся изображающий насмешливое понимание Игорь.

– Вот-вот, – негромко рассмеялся Федор Николаевич, – Борис Кондратьевич мнит себя Стенькой Разиным.

И тут в воду полетела уже брюнетка. И тоже под резвый хохот губернатора. Ее приятельницу-блондинку уже выловили матросы с ялика, и теперь русалка примеряла тельняшку.

– А-а-а! – раскинул руки в гостеприимно-барственном жесте губернатор. – Кто к нам пожаловал!

Он или делал вид, будто только что заметил Луганова-младшего, или на самом деле так увлекся цирком, что не сразу заметил его появление.

– Я ему говорю, – засуетился Луганов-старший, – что мы, два холостяка, имеем право немного отдохнуть...

– ... и подебоширить, – весело подхватил губернатор, протягивая Игорю свою тяжелую, слегка подрагивающую руку. – Как тебе тут? – спросил он Игоря. – Разъездной адмиральский катер... не хухры-мухры!

Он прыснул со смеху, словно и впрямь сказал что-то смешное.

– А если какая неблагодарная сволочь вздумает разузнать, как мы отдыхаем, – задиристо продолжил он, – то вон, – ткнул он рукой в воздух, имея в виду сторожевые корабли, – какая у нас защита! Вмиг башку снесут!

Он снова засмеялся глуховатым смехом курильщика.

– Мне надо с тобой поговорить, – тихо сказал отцу Игорь, – дело серьезное...

– Вы куда? – удивился губернатор, недовольный, что его лишают компании.

– Сын хочет поговорить, – нацепив на лицо маску беззаботности, ответил Федор Николаевич, – мы в салон...

– Ага, – губернатор зевнул, по его лицу скользнула тень разочарования. – Я тоже скоро спущусь... Ну как, шалавы, искупались? – заорал он девицам. – Давайте ее сюда, – крикнул он уже матросам, которым, видимо, понравилось возиться с первой русалкой, – хва ее щупать! Ольга, гребки к катеру, – приказал он брюнетке, плавающей недалеко от ялика, – а то эти кретины и тебя в тельняшку нарядят.

Луганов-старший и Луганов-младший сошли по трапу в салон. Катер был остойчивым, с низким бортом, поэтому качка почти не ощущалась. Игорь не раз плавал на таком катере, на собственном опыте знал, сколь комфортно чувствуют себя его пассажиры. Двигатели работали бесшумно, изнутри катер был обит грабом, который сверху еще покрыли мокрым полиэфиром. Обычно на таком катере разъезжал дивизионный командир или командующий флотом, но тридцать тысяч долларов, уплаченные вице-губернатором за эту роскошную игрушку, не были для него невесть какой суммой. Кроме катера, он владел еще яхтой, но плавал в основном на катере, подражая военному командованию. В этом морском регионе были свои предпочтения и вкусы, которые не обсуждались, но которых придерживались.

Увидев, что отец и сын Лугановы сошли в салон, мичман поспешил за ними. Но Федор Николаевич выпроводил его, сказав, что они сами смогут за собой поухаживать.

- Что такое? – спросил он сына, когда они остались одни.
- А ты не знаешь? – вопросительно посмотрел на отца Игорь.
- Ты о чем?

– О том, что потопили мой краболов, – на лице Игоря читалось недовольство, его раздражала манера отца прикидываться таким отрешенным незаинтересованным субъектом, в то время как напрямую затрагивались его интересы.

Луганов-старший всегда давал сыну понять, что является прежде всего чиновником, а потом уже предпринимателем. Ведь сочетать легально эти две разновидности деятельности было запрещено в законодательном порядке. Сын не был полноправным хозяином, он выполнял роль представителя, будучи всем обязанным энергии и хитрости отца. Игорь знал, что «Акрос» – детище Федора Николаевича, которым поставили руководить его, Игоря, принимая в расчет не столько его особые деловые качества, сколько самое близкое родство, и его всегда неприятно удивляла эта отработанная отцовская поза, когда тот корчил из себя незаинтересованную персону. Словно отмежевываясь всякий раз от сына, словно давал понять, что если с тем на деловом поприще приключится какая-либо беда, он, вице-губернатор, вторая фигура на острове, не будет иметь к этому никакого отношения.

– Слышал, – сухо сказал Федор Николаевич, – но это больше должно занимать тебя.

– То есть как? – вспыхнул Игорь. – А разве ты и твой бабник (так он отважился назвать губернатора) ничем не обязаны Михею?

– Это Слава обязан нам, – пренебрежительно усмехнулся Федор Николаевич, – попрошу тебя об этом не забывать. Если б я захотел, я бы плюнул на Славу и позвал Кондрашова. Он, думается мне, не такой наглый.

Федор Николаевич предпочитал называть главного пирата не Михеем, а Славой. Это ему казалось более приемлемым для поста, какой он занимал, и хотя бы на словесном уровне отделяло его от мира воровских авторитетов. Полковник милиции Кондрашов вел когда-то с ним переговоры, предлагая себя на место Михея в качестве «крыши». Вице-губернатору, чьи позиции тогда не были так прочны, не было никакого резона доверяться в то время еще подполковнику Кондрашову, только что назначенному центром. С тех пор мент затаил обиду и хотя и получал, как большинство чиновников и военных острова, определенный куш с контрабанды, липкой паутиной обвившей Таруту, тем не менее не мог смириться с выказанным ему пренебрежением. Федор Николаевич нынче не располагал особыми причинами быть довольным Михеем, но все же, повинувшись не то инерции, не то здравому смыслу, не спешил менять свои ориентиры и по-прежнему держался Михея, с которым был давно повязан и которому во многом был обязан своим восхождением на олимп власти. Это, однако, не мешало ему всячески подчеркивать свое скептическое отношение к главному воровскому авторитету острова.

– Нет, – заупрямился Игорь, – это Михей протолкнул тебя к кормушке...

– Если бы не мой талант и воля, – голос Федора Николаевича приобрел артистическую звучность, – где бы сейчас был твой Михей? Ладно, оставим прения... Я знаю, что на кораблях «Акроса» не только рыбу перевозят. Но это забота Михея и твоя! – печатая каждое слово, произнес он. – Что я могу сделать?

– Конечно, вам бы только свои дивиденды получать... – горько усмехнулся Игорь.

– Не только, хотя в чем-то ты прав. Я не могу и за парходами следить, и в администрации работать. Твой отец не Юлий Цезарь, – более спокойным голосом добавил Федор Николаевич. – Но ты ошибаешься, меня касается все, что происходит на море, особенно если это суда «Акроса». Я просто не хочу, чтобы ты держался за меня, как за спасательный круг, ты наконец должен сам научиться принимать решения и выпутываться из разных ситуаций.

– Но ведь если что-нибудь просочится в прессу, – разгневанно посмотрел на отца сын, – это тебя коснется!

– А вы сделайте так, чтобы не просочилось! – осек сына Федор Николаевич. – Михей платит мне за то, что сам икру с крабами кушает. Если б завелся какой-нибудь ушлый правдолюбец, где был бы твой Михей? Думаешь, мне легко и ментов, и таможенников, и пограничников контролировать? Если б в Москве знали, что в Японском море пиратов больше, чем рыбы, – сознательно преувеличил он, – меня бы давно на высылки отправили, а со мной и Ковалья.

– Я лишь хотел попросить тебя об одной услуге, – покорился силе отцовского убеждения Игорь, – у тебя же есть прихватки в ментовке?

– Ну? – недовольно посмотрел на него Федор Николаевич.

– Михей считает, что груз хапнул беспредельщик один, Химик, то есть Гриша Химкин. Он сейчас в ментовке, у Курина. Ты его хорошо знаешь...

– Короче, – нетерпеливо вздохнул Федор Николаевич, – ты хочешь, чтоб его там с пристрастием допросили?

Луганов-младший кивнул.

– Ясно. Это все?

– Нет, не все. Михей не совсем уверен, что это Химик.

Луганов-старший свел брови на переносице.

– Не понимаю.

– Был еще третий корабль, – вздохнул Игорь, – Рокотова. Может, это он... Только он ведь наркотой не занимается, в противном случае Михей бы его в два счета вычислил.

– Не брешь про наркоту, имей приличия, – недовольным властным тоном сказал Федор Николаевич. – И потом, я же тебе рекомендовал одну страховую компанию. Ты мог бы сейчас не только за свое корыто компенсацию получить, но и, поделившись с определенными людьми, еще нажиться. Это все твоя небрежность. Как был оболтусом, так и остался, – проговорил он с брезгливой досадой, точно выплюнул пересоленную икру.

– Да не в корабле дело! – воскликнул Игорь.

– Знаю, – резко произнес Федор Николаевич, – думаешь, маленький? Но я не только выгоду Михея блюду, но и твою, дурень ты стоеросовый!

– А ты... а вы? – заикаясь от волнения, прокричал Игорь.

– Цыц! – гаркнул Федор Николаевич.

Они услышали нетвердые шаги по трапу и оба замолчали. В салон, бережно ведомый мичманом, спустился губернатор Коваль.

– Ругаетесь? – усмехнулся он. – Не на-а-адо, – раскатисто и упреждающе произнес он, – этак не годится.

– Да вот, – с подобострастным оттенком улыбнулся Федор Николаевич, – все учу, как жить.

– Это правильно, – губернатор грузно опустился на диван. – Неприятности? – проницательно посмотрел он на Луганова-младшего.

Тот понял, что губернатор тоже в курсе.

– Кому-то все никак спокойно жить не хочется, – с небрежным видом погрязшего в роскоши правителя заметил Коваль. – А пограничники тоже хороши – спят в оглоблях, мать иху в таргары!

– Борис Кондратич, – обратился к разомлевшему, так что казалось, он вот-вот захрапит (несмотря на сердитый тон последней фразы), губернатору Луганов-старший. – Мы все обсудили, я сейчас Игоря провожу и вернусь.

– Дава-а-ай, – последний слог перетек в длинную зевоту.

Луганов-старший сделал сыну знак глазами. Они поднялись на палубу. Потом медленно направились к трапу. Веселье на кокпите сменилось сонным покоем, девицы молча нежились в шезлонгах, потягивая коктейли, матросы с ялика перебрались на палубу и, куря, тихо пере-

говаривались, глядя на Лугановых. Темный неясный контур торпедного сторожевого катера по-прежнему маячил у горизонта.

– У него сейчас голова кругом, как, впрочем, и у меня, – неожиданно доверительным тоном обратился к сыну Луганов-старший, – комиссия с Запада едет.

На Дальнем Востоке всех, кто жил западнее Читы, называли «людьми с Запада». Здешние жители, казалось, были ближе к заокеанской Америке, чем к Москве или даже Новосибирску. Несмотря на свой беспокойный и коварный характер, океан жителям Таруты и прибрежной зоны материка казался пространством более открытым и преодолимым, чем суша, отделявшая их от Среднерусской возвышенности. Такова была здешняя мифология, в чем-то родственная мифологии любого морского народа, будь то финикийцы, греки или португальцы. Близкое соседство с Японией и Кореей, менее близкое – с Филиппинами и Гавайями действовало на мозг возбуждающе и представлялось зачастую большей реальностью, чем жизнь городов, расположенных западнее сто десятого меридиана.

– Кондратич переживает, – продолжил после небольшой паузы Федор Николаевич, задумчиво глядя вдаль, – комиссия-то серьезная. А тут еще эти морские бои. Пограничники тоже всполошились, Кондратичу сейчас не до разборок, сам понимаешь...

– Не фигу было в демократа играть, – резко сказал Игорь, – все ему ма-ало! Строит из себя барина. Если хочет, чтоб ему башляли, пусть потерпит. Да и потом, если бы не его жадность, не было бы такого беспредела на море.

– Мал ты еще старших учить, – оборвал его Федор Николаевич, – вы со своим Михеем даже с грабителями без нашей помощи разобраться не можете!

– Надеюсь, – проглотив обиду, посмотрел в упор на отца Игорь, – что Михей этого так не оставит. И если ты не примешь участия в этом деле, он все сделает сам.

– Только скажи ему, – забеспокоился Луганов-старший, – чтобы без шума.

– Но ведь ты тоже поможешь? – Игорь не отводил от лица Федора Николаевича испытующего взгляда.

– Попробую связаться с пограничниками, но пусть Слава не обольщается, мои возможности тоже не беспредельны, и потом – у меня от другого голова пухнет.

Он сплюнул в серовато-зеленую воду и посмотрел на сына долгим взглядом.

– Это ведь не в первый раз уже со Славой случается, – он вздохнул, – то одно у него утащили, то другое. Он знает, кто это?

– Химик или Рок, больше некому, – Луганов-младший скосил взгляд на носки своих туфель, – они же беспредельщики, никому не башляют, делают что хотят. Михей, пока это его серьезно не затрагивало, спускал все на тормозах...

– ... а теперь захныкал? – едко усмехнулся Луганов-старший. – И потом, где доказательства, что это именно Химкин или Рокотов?

– А кто же еще?

– Только не прикидывайся, будто ничего не знаешь, – скривился Федор Николаевич, – у нас здесь не институт благородных девиц. Каждый пытается урвать от пирога кусок побольше или стянуть, что плохо лежит. Я не могу задействовать исполнительную власть, пока не буду уверен, что это именно тот, о ком ты говоришь. Сейчас все ушлые стали. Знаешь, какой шум может подняться в прессе, если мы ошибемся? До Москвы долетит. И потом, думай головой, Игорек. Что перевозил Михей, может быть, крабов или треску, а? А кто владелец «Акроса»? То-то же. Если даже это Рокотов, я не смогу использовать официальные каналы. А вдруг всплывет эта история с героинем?... – Луганов понизил голос. – В первую очередь достанется, конечно, Славе, мать его, но какой с него спрос? А вот ты как главный акционер получишь по полной программе, и мне как твоему папаше достанется. Какого вообще черта он стал возить товар морем?

– Раньше Михей таджикскими делами занимался, с Большой земли товар получал...

– Да знаю я, – раздраженно махнул рукой Федор Николаевич.

– А если что и волок из Китая да из Кореи, то так, пустячки... – невзирая на недовольство отца, продолжил Игорь.

Его бесило это желание отца не поднимать шекотливых тем, напрямую, между прочим, связанных с его процветанием. Раздражала Игоря и манера отца говорить на эти темы – если уж обстоятельства требовали, – уклоняясь от прямых ответов, заменяя опасные, грубые слова экивоками.

О другой просьбе Михея, насчет сторожевиков для парома, Игорь заикаться не стал. В том настроении, в каком пребывал нынче Федор Николаевич, обращаться к нему с такой просьбой было не просто бесполезно, но и опасно. Игорь был сыт по горло отцовским недовольством и нравочениями.

– Да-а, – Федор Николаевич почесал свой заросший редкой бородой подбородок, – надо что-то делать, дальше так продолжаться не может. Но не сейчас! – решительным тоном добавил он.

– А когда?

– Когда столичные уберутся, – со злобой выдал из себя Луганов-старший.

– Что-то не видно, что Главный насчет этого переживает, вон развлекается, – кивнул Игорь в сторону дремлющих девушек, – или это он так нервный стресс снимает?

– Ты не усмехайся, – одернул сына Федор Николаевич, – тебе бы побыть в его шкуре!

– Представляю! – с саркастичной интонацией сказал Игорь.

– Ты, вместо того чтобы других обсуждать, занялся бы страховкой своих корыт. Тогда не нужно было бы трястись за каждое суденышко. И потом, мне сказали, что ты часто в «Кураже» появляешься.

– Кто сказал? – возмутился Игорь.

– Сказали, – ушел от прямого ответа Федор Николаевич.

Он выпятил губы, рассеянно пожевал ими. В его взгляде затаилась грусть. Это был момент слабости, когда закованное в железные латы необходимости лгать и изворачиваться сердце вице-губернатора вдруг открылось простым человеческим чувствам и сразу ощутило на себе груз прожитых лет и разочарований. Но он тут же отогнал от себя невеселые мысли и с осуждающей нетерпимостью взглянул на сына.

– Брось свою девку, не к лицу тебе это.

– Мне не десять лет! – огрызнулся Игорь. – Я же не советую тебе бросить твоих девок.

– Заткнись! – прикрикнул на сына Федор Николаевич. – Я тебя предупредил. Не позорь меня, я не хочу, чтобы надо мной всякая сволочь потешалась.

– Кому какое дело, как я провожу свободное время? – горя негодованием, воскликнул Игорь.

– Мне есть дело до твоего досуга, – обрубил Луганов-старший, – ты – сын вице-губернатора! Иди, мне к губернатору пора, – торжественно добавил он.

Луганов-младший зло и насмешливо кивнул и, пропустив вперед одного из своих телохранителей, державшихся все время чуть поодаль, стал медленно спускаться по трапу.

ГЛАВА 5

Химику отпустили через несколько дней после его задержания. Пришлось, конечно, кое-кого подмазать, чтобы заставить машину исполнительной власти крутиться быстрее, но, в сущности, предъявить Грише Химкину было нечего. Сам он прикинулся бедным морячком, краболов которого расстреляли посреди моря какие-то беспредельщики. Выходу Химику на свободу, конечно же, способствовал небезызвестный Кондрашов, стремящийся тайком вредить Михею. На то у полковника были свои личные мотивы. Но тут Кондрашов прогадал, не подозревая о тайных планах Михея насчет Григория. Химик был хитрым малым и перед тем, как на его судно ступили пограничники со сторожевого катера, успел выбросить за борт все оружие, так что повесить на него гибель пограничного вертолета не удалось. Михею же Гриша был очень нужен. Старому авторитету не терпелось лично разузнать, куда делся его товар стоимостью двести тысяч долларов – сумма не малая даже для такого крупного вора, как Михей. Поэтому он отправил своих людей, приказав, чтобы те доставили ему Химику непременно живым. Он предварительно проинструктировал Колю Ухтыркина – начальника собственной охраны, – разрешив ему действовать любыми способами.

Николай отправился за Химиком на двух машинах, предполагая, что если за Гришей заявятся его беспредельщики (а это было почти стопроцентно), то захватить его на выходе будет не так-то просто. Но и брать его где-то в другом месте, к примеру, на корабле, тоже было бы проблематично. Поэтому он решил действовать наверняка, хоть и не без выдумки. Ухтыркин не стал подъезжать вплотную к СИЗО, а остановил машины на перекрестках, с обоих концов улицы, и наблюдал за воротами в морской бинокль.

У ворот СИЗО Химику действительно поджидали три человека из его команды, которые оставались на берегу и не попали под обстрел в то утро, когда Гриша грабанул краболов Михея с грузом героина. «Ниссан Патрол», в котором они дожидались своего главаря, был припаркован немного в стороне от центральных ворот, что позволяло никому не мозолить глаза и в то же время удобно просматривать подходы. У каждого из команды под сиденьями было спрятано автоматическое оружие, и каждый готов был пустить его в ход, в зависимости от ситуации. Парни нервничали, выкуривая сигарету за сигаретой, потому что назначенное время давно прошло, а хозяин все не показывался. Наконец открылась скрипучая железная дверь, выкрашенная рыжей половой эмалью, и на улице появился Химик.

На нем были синие джинсы и пестрая гавайская рубашка, а на лысой башке красовалась зеленая бейсболка, прикрывавшая от солнца глаза. Химик был высоким крепким парнем, немного глуповатым на вид из-за вечно полуоткрытого рта и высоко поднятых коротких бровей, но на самом деле, хоть он и считался беспредельщиком, не боявшимся бросать вызов другим руководителям группировок, в его глубоко посаженных глазах можно было рассмотреть (при желании) толику ума и звериное чутье хищника.

Шагнув за ворота, Гриша быстрым взглядом окинул улицу и, заметив знакомый «Ниссан», направился к нему. В джипе тоже увидели Химику. Но прежде чем водитель повернул ключ в замке зажигания и тронулся с места, к «Ниссану» подкрался сзади один из людей Ухтыркина и, согнувшись в три погибели, прикрепил к днищу магнитное взрывное устройство. Сам он еще немного посидел в полуприседе, делая вид, что завязывает шнурки на кроссовках, потом выпрямился, поправил тельняшку, закурил сигарету и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошел в противоположную сторону. Даже если бы пассажиры и водитель «Ниссана» что-то и заметили, они бы уже ничего не смогли предпринять. Но внимание пассажиров «Ниссана» было направлено на своего главаря. Как только человек Ухтыркина отошел на безопасное расстояние, следивший за его передвижениями Николай нажал на кнопку радиоэлектронного детонатора. Мина взорвалась в тот момент, когда Химик был метрах в двадцати от

двинувшегося к нему джипа. Он ухмылялся, раскинув руки и предвкушая встречу со своими приятелями, когда заднюю часть «Ниссана Патрол» приподняло в воздух взрывной волной и опрокинуло вперед. Плотная воздушная масса ударила Химику, сбила его с ног и повалила на разогретый солнцем асфальт.

В воздухе Гриша успел сгруппироваться, отчего удар о землю получился не таким сильным. Он тут же вскочил на ноги и бросился прочь от запольхавшего джипа, в котором горели его товарищи, но вторая взрывная волна от сдетонировавшего бака с горючим ударила его в спину и поволокла по шершавому асфальту. На какое-то время он потерял сознание, а когда очнулся, то понял, что его заталкивают в багажник автомобиля. Он не знал, что это был один из автомобилей – здоровенный бордовый «Крайслер», – на которых приехал Коля Ухтыркин. Вторая машина – юркий синий джип «Сузуки», – визжа резиной, сорвалась с противоположного перекрестка, подобрала взрывника и, резко развернувшись, двинула следом за «Крайслером». Через минуту перед воротами СИЗО остался только полыхающий «Ниссан Патрол», в котором начал рваться боезапас.

* * *

Час спустя «Крайслер» и «Сузуки» затормозили рядом с «Лендкрузером» Михея, возле бревенчатого охотничьего домика. Выгрузив Химику, словно это был не человек, а кусок свинины, его затащили в сени и, быстро закрыв дверь, чтобы не напустить мошку и комаров, связали ему руки за спиной. По дороге он пришел в себя, но сопротивлялся слабо, видя, что с такой бригадой ему не справиться. Ухтыркин, обнажая в ухмылке черную дырку на месте двух передних выбитых в драке зубов, сам ввел его в дом, где в глубоком кожаном кресле, закинув ногу на ногу, развалился Михей.

Внутри дома стоял специфический запах диметилфталата, которым все детали помещения были обработаны сверху донизу.

Главный зал дома напоминал большую русскую избу, где по стенам были развешаны охотничьи трофеи. Только кирпичный камин несколько нарушал этакий деревенский уклад. Сам Михей, одетый в брезентовый охотничий костюм, походил на барина, собирающегося на охоту. На низком деревянном столе перед ним стоял запотевший графинчик водки и коническая хрустальная рюмка на тонкой ножке. Здесь же на подносе были разложены закуски.

Проведя Химику в гостиную, Ухтыркин небрежно толкнул его в свободное кресло, а сам встал позади, готовый в любую минуту вмешаться, если тот попытается подняться. Трое других бойцов из охраны, все в тельняшках, с той лишь разницей, что на одном была бескозырка с оторванными ленточками, свернули в соседнюю комнатку, где расположились на просторном диване, и достали сигареты.

– А вот и наш герой, – выпив рюмку водки, сказал Михей, глядя на ободранного Химику. – Где это тебя так угораздило?

– Ну ты, блин, даешь, дядя, – хмыкнул Химик, – ты меня че, за лоха держишь?

– Где ты его взял, такого покореженного? – Не обратив внимания на восклицание Химику, Михей посмотрел поверх его головы на Ухтыркина.

– Там у СИЗО его тачка взорвалась, в натуре, – пожал плечами Николай. – Если бы не мы, этому доходяге ноги бы поотрывало на хрен. Нашпигуют машины динамитом, в натуре, и разъезжают по острову. Отморозки, ей-богу.

– Так тебя, Гришаня, мои бойцы спасли, – Михей наклонился в кресле в сторону Химику, – а ты, сволочь неблагодарная, хамить мне вздумал!

Положение у Химику было не самое лучшее, если не сказать, безнадежное, но он с присущей ему жизненной силой цеплялся за любую возможность выкрутиться даже из такой ситуации. Этим и был вызван его нагловатый тон, который он выбрал для общения с главным авто-

ритетом острова. То, что Михей наезжал на него, было для Химика обычной игрой, в которой правила устанавливает каждый сам для себя. Впрочем, Гриша понимал, что сейчас ему придется подыгрывать Михею, но он и вообразить себе не мог, чем для него закончится это представление. Он предполагал, что Михей наорет на него, его прихвостни набьют ему морду, а потом, если он не проболтается о том, что ограбил судно Михея, его отпустят, предварительно, естественно, добавив пару хороших оплеух. Правда, билась у него в мозгу подленькая мыслишка, что Михей знает о покушении на его краболов больше, чем думает он, Гриша, но у него не оставалось даже тени сомнения, что он выберется из этого охотничьего домика если и не невредимым, то, по крайней мере, живым.

– Ладно, Михей, брось прикидываться, – Химик поерзал на кресле, показывая, как неудобно ему сидеть, – лучше бы приказал развязать меня. Или боишься, что я разгромлю всю твою команду?

– Коля, развяжи его, – Михей бросил взгляд на своего главного телохранителя, – пусть не думает, что мы такие же хамы, как он.

– Замечательно, – Химик расплылся в улыбке, потирая затекшие руки, когда Николай снял с них веревку, завязанную морским узлом.

Михей сам наполнил две рюмки, одну из которых взял себе.

– Выпей со мной, Химик, – с видом хозяина предложил Михей, – может, больше не придется.

– Выпить выпью, – согласился Григорий, – вот только не нужно меня так пугать, а то у меня уже поджилки трясутся. Если есть что сказать – говори, не зря же ты такое представление устроил. Ну а если сказать нечего, тогда я пойду.

Он хотел подняться, чтобы взять предложенную ему рюмку, но Ухтыркин, вынув руку из кармана матросских брюк, положил ему на плечо тяжелую ладонь.

– Сиди, – остановил он Химика, – сегодня я за тобой поухаживаю.

Выйдя из-за кресла, он взял рюмку и передал ее Химику.

– Ну дела, – ухмыльнулся Химик, принимая водку, – кому расскажу – не поверят.

– Может, кому и расскажешь, – Михей упер в него колющий взгляд, – если вернешь мне товар.

– Какой товар?! – Химик застыл с рюмкой в руке, изобразив на лице неподдельное удивление.

– Видно, разговора у нас с тобой не получится. Твое здоровье, оно тебе пригодится. – Михей выпил водку, немного посидел неподвижно, смакуя напиток, а потом, поставив пустую рюмку на стол, ложкой зачерпнул черной икры и отправил в рот.

Химик тоже выпил, но, помня, что встать ему не велели, обернулся к Ухтыркину.

– Дай закусить-то, братан.

– Перебьешься, – лицо Коли не выражало ничего, кроме презрения, зловещий характер которому придавало отсутствие передних зубов – Колян, демонстрируя пренебрежение, приподнимал верхнюю губу.

– Ну, как знаешь.

Химик попытался было сам встать, чтобы взять закуску, но тут же получил короткий удар по шее.

– Михей, – заорал он, схватившись за шею, – чего тебе от меня надо?! Мало того, что твои живодеры разбомбили мой джип с бойцами, так ты еще и в молчанку играешь.

– Где мой товар? – акцентируя каждое слово, повторил Михей, закурив коричневую сигарету с запахом шоколада.

– Мамой клянусь, ничего не знаю ни о каком товаре, – Химик даже ударил себя кулаком в грудь для убедительности. – Меня самого подставили, как последнего лоха... Я вышел снасти на краба поставить. Да, я понимаю, что не отстегиваю в общак, но это мои принципы, Михей.

Я ведь ни у кого ничего и не прошу. Какой-то мудака раздолбал мне корму ни с того ни с сего, но я с ним сам разберусь – это моя проблема. Но ни о каком товаре, клянусь мамой, я не знаю. Мне теперь мою посудину придется месяц в сухом доке на ремонте держать, и я ничего у тебя не прошу. Но и на меня чужие грехи не нужно вешать.

– Значит, ты мой товар не трогал, Гришаня? – медленно, растягивая слова, проговорил Михей.

Он был третьим калачом и чувствовал, что Химик лепит ему горбатого, но хотел, чтобы тот запутал себя окончательно.

– Мамой клянусь, не знаю ни про какой товар. О чем ты говоришь?

– О героине на двести тысяч кусков, мудила, – рявкнул Михей, – который уплыл с моего краболова, словно его кашалот слопал.

– Я ничего об этом не знаю, Михей, вот тебе крест, – Химик неумело перекрестился. – Я собирался рыбу тралить...

– Твою посудину сторожевик засек почти на шкентеле (оконечности) острова, когда уже рассвело, – Михей немного сбавил обороты. – Все снасти были у тебя на борту, я узнавал.

– У меня в тот день еще одно дело было, – замялся Химик, – так я собирался сразу после этого. А здесь как раз этот торпедник, как черт из табакерки. Дал по мне залп, и все дейдвуды вдребезги, в бога-душу-мать!

– Военный? – насторожился Михей.

– Говорю же, торпедный катер, самый натуральный, – зачастил Химик, поняв, что ему начинают верить, – может, это он и твой краболов потопил.

Вообще-то он не собирался говорить про этот катер, потому как, найдя его, Михей бы узнал, что товар был на борту Гришкиной посуды, а тогда... Но что-то щелкнуло в мозгу у Химика, и он уже не мог остановиться. Если товар не у него, рассуждал он, то и спроса с него нет.

– С чего ты взял, что мой краболов затонул? – с ласковой издевкой в голосе поинтересовался Михей, поняв, что заставил Химика проговориться. – Может, ты работаешь на пару с этим торпедоносцем, а? Взяли мой товар, потопили краболов, а потом товар не поделили, и твой напарник тебя же и расстрелял... Так все было, Гришаня?

– Нет, – замотал головой Химик, – этот торпедоносец, он потом ко мне подошел.

– Ты знаешь, чей это катер?

– Да об этом все знают, – пожал плечами Химик, – Рок, паскуда, со своей командой его почти два года восстанавливал.

– А что же ты сразу мне о нем не сказал?

– А ты не спрашивал.

Сигарета, которую Михей оставил в пепельнице и о которой он забыл, давно потухла, поэтому он налил себе водки, выпил, закурил и закурил опять.

– По-твоему, – снова заговорил он, – это Рок, мать его, отбил у меня товар?

– Не знаю, – Химик спокойно пожал плечами, думая, что угроза миновала.

Он ошибся. По знаку Михея стоявший позади кресла Химика Ухтыркин обхватил своей здоровенной ручищей его шею и начал сдавливать изо всех сил. Гриша был крепким парнем, но находился в неудобном положении, поэтому сделать ничего не мог. Он схватился обеими руками за руку Ухтыркина, сжимавшую ему горло, пытался ослабить хватку, но все его усилия оказались тщетными. Он сучил ногами, желая выкрутиться и хоть как-то облегчить свое положение, но у него ничего не получалось. Глаза его налились кровью и вылезли из орбит, как у выползшего на берег краба, лицо покраснело. Он открывал рот, шевелил посиневшими губами, но изо рта вырывался только сдавленный хрип.

Два дюжих «телка» в тельняшках и камуфляжных кепи, ждавшие в соседней комнате, появились в гостиной, схватили его за руки и, оторвав их от руки Николая, заломили их за спинку кресла.

Михей шевельнул тяжелой головой, и Ухтыркин ослабил хватку. Грудь Химики начала вздыматься, как кузнечные мехи. Свежий воздух попал в легкие, кровь заструилась по жилам, разнося кислород по ослабевшему телу.

- Какого черта, Михей? – Химик смотрел на вора в законе затуманенным взором.
- Где товар? – спросил Михей, дождавшись, когда Химик более-менее оклемается.
- Не знаю, – предчувствуя, что все только начинается, прошептал Химик.
- Я так и думал, – разочарованно пробормотал Михей. – Одевайтесь, поехали в сопки.

Братки, по очереди придерживая Химику, напялили на себя брезентовые робы, тщательно заправляя в высокие ботинки штанины. Лица и открытые части рук густо обрызгали диметилом из баллончика. Химик смотрел на их приготовления осоловевшим взором, не решаясь спросить, к чему этот маскарад.

Грише снова связали руки за спиной и вывели из домика. Теперь его подвели не к «Крайслеру», а к джипу Михея. Открыли заднюю дверцу и запихнули внутрь. С ним поехали еще трое: сам Михей, Ухтыркин, севший за руль, и один из телохранителей, который устроился на заднем сиденье.

– Вперед, – скомандовал Михей, и тяжелая бронированная машина легко тронулась с места.

Вскоре Николай остановил «Лендкрузер» в ложбинке между сопок, где на полянке росла одинокая сосна. Он посмотрел на Михея, и тот удовлетворенно кивнул. Сам он остался сидеть в салоне, а двое его подручных выволокли Химику из джипа. Его лицо, руки, ноги тут же облепили мириады мошки и комаров. Здесь их были тучи. Здоровенные комары безо всякой подготовки вонзали свои острые хоботки в кожу и тут же начинали наливать кровью. Это были не комары Среднерусской возвышенности, изнеженные, пугливые, маленькие насекомые. Эти были здоровые и безжалостные. Они пикировали на запах пота, как реактивные истребители, с ходу впиваясь в тело и оставляя на месте укуса огромные волдыри. Место укуса начинало нестерпимо чесаться, словно после укуса пчелы. Их были тучи, этих комаров. От них невозможно было избавиться, нельзя было отмахнуться.

Но еще большее отвращение вызывала мошка. Эти крошечные вампиры проникали в самые потаенные уголки между кожей и одеждой. Их были сотни тысяч, миллионы, миллиарды. Мошка облепляла лицо, лезла в рот, в глаза и в уши. Невозможно было вздохнуть, чтобы она не набилась в ноздри. Даже защищенные репеллентом телохранители, тащившие Химику к сосне, и те с ожесточением крутили головами, щурились глазами и старались не дышать.

Посадив брыкающегося Химику на мох, они привязали его к стволу дерева, предварительно разодрав цветастую рубаху у него на груди.

– Все, пошли. – Николай развернулся и, ожесточенно отбиваясь от облепивших его лицо вампиров, почти бегом направился к джипу. Его подручный, страдавший не меньше своего начальника, суетливо бросился следом.

– Эй, вы что, волки позорные! – заорал им вслед Химик. – Вы что, смерти моей хотите?! Гниды, жлобы, гориллы африканские, мурены глубинные, мать вашу, отвяжите меня немедленно!

Он бы продолжал орать еще, но гнус и комарье таким слоем облепили его лицо, что он стал плевать, выхаркивая погибших в его глотке насекомых.

– Блин, нужно было надеть противомоскитную сетку, – забравшись в салон, пробормотал Ухтыркин.

Следом в машину заскочил телохранитель.

– Вы что, первый год замужем? – по-отцовски пожурил их Михай за ненужную браваду и взглянул на часы, вделанные в приборный щиток «Тойоты». – Думаю, минут пять ему будет достаточно?

– Хватит и трех, если он не дурак, – пожал плечами Николай.

Все смотрели на корчащегося в нескольких метрах от них Химику. Не имея возможности даже отмахиваться от убийственных насекомых, высасывающих его кровь, он изредка издавал дикие вопли, таким образом пытаясь облегчить свои страдания.

– Может, хватит ему? – Ухтыркин с притворно страдальческим видом посмотрел на извивающегося Химику.

– Нет, – жестко оборвал его Михай, – он должен сказать мне правду.

– Если оставить его еще на несколько минут, он уже никому ничего не скажет.

– Заткнись, Колюня, – Михай краем глаза поглядывал на часы.

Когда прошло почти десять минут, он грузно повернулся назад.

– Дай-ка мне сетку.

«Телок» помог ему прикрепить противомоскитную сетку к шляпе и побрызгал сверху аэрозолем. Михай натянул на руки перчатки и, взяв с собой баллончик с репеллентом, выбрался из джипа. Ухтыркин тоже по-быстрому натянул сетку и двинулся следом за Михеем.

– Ну что, Гришаня, – Михай наклонился над облепленным мошкаркой Химиком и брызнул ему в лицо из баллончика, – будешь говорить?

Чуть живой Химик слабо кивнул головой, почувствовав на время облегчение. Сейчас он уже был не в состоянии сопротивляться не только напору Михея, но не смог бы противиться даже младенцу, начни тот у него что-то выпрашивать. Естественно, младенец еще не умеет говорить, а вот Михай говорил очень даже убедительно.

– Хорошо, Гришаня, – кивнул Михай, стараясь заглянуть Химику в глаза, совсем заплывшие от бесчисленных укусов, – тогда скажи мне, куда делся мой товар?

– Я... он... – Химик едва мог шевелить распухшими губами, – он... у Рока.

– Какие уроки, – Михай наклонился ниже, – ты меня еще учить вздумал?!

– Героин у... Рокотова... – Химик сделал невероятное усилие, чтобы произнести эту фразу.

– Чего ты там бормочешь? – Михай схватил Химику за распухшее лицо. – Рок не занимается наркотиками.

– Это... я.

– А-а, – понял Михай, – значит, это все-таки ты грабанул краболов.

Химик кивнул.

– Паскуда, – Михай отшвырнул голову Химику, которая безвольно свалилась на грудь, – что же ты мне лапшу на уши вешал?!

– Мне... нужно в больницу... – Гришка настолько ослаб, что его язык еле ворочался во рту.

– Да пошел ты! – Михай ткнул его ногой по ребрам, но он даже не почувствовал боли.

Бросив на него презрительный взгляд, авторитет развернулся и, тяжело ступая по траве, двинулся к джипу, уверенно и в тоже время неторопливо, словно буксир, тянущий груженную под завязку баржу.

– Мы что, оставим его здесь? – Николай обогнал Михея, стараясь заглянуть ему в лицо, закрытое москитной сеткой. – Он уже наполовину труп.

– Вот и пусть станет трупом. Полным трупом, – зло хохотнул вор в законе, забираясь в салон бронированного джипа.

Он устроился на своем месте и достал сотовый. Набрал знакомый номер и приник к трубке.

– Это я, – прохрипел он невидимому собеседнику, – ну что с паромом?

– Я говорил с отцом, – унылый голос Игоря заставил Михея скорчить рожу, – он не может.

– Точно говорил? – не поверил Михей.

– Он вообще просил нас притухнуть на время...

– Я не могу останавливать бизнес, мы и так терпим убытки! – рявкнул Михей. – Если не дает погранцов, задействую свои катера. Спасибо за заботу, – саркастично добавил он и выключил мобильник. – Ну, осел, – качнул он своей крупной головой, – ни хрена не может. Врет он, похоже, ни черта он с папашей не говорил, сыт, как всегда!

– Да-а, – иронично пожал плечами Ухтыркин, – сынок не то что папаша, а говорят еще, что яблоко от яблони...

– Не дай бог такого партнера, как этот сосунок, – прохрипел Михей. – Ну ничего, подождем, и на нашей улице еще будет праздник, – велеречиво закончил он.

ГЛАВА 6

«Вэндженс» стоял на якоре у побережья одного из островов в Японском море. Рокотов спустился в рубку радиометриста, следившего за экраном радара.

– Ну что, как дела? – Сергей остановился за спиной Назарета, внимательно наблюдавшего за интересующим их судном, находившимся в двухстах милях к Корейскому проливу.

Судно носило имя «Сальмон», принадлежало некоему Чеботареву и было приписано к Тарутинскому порту. «Сальмон» был рыболовецким судном, и то, почему он оказался неподалеку от международного фарватера, могло бы вызвать кое у кого недоуменные вопросы.

– Дрейфует по течению, – сообщил Назарет, который бы таких вопросов задавать не стал. Он откинулся на спинку кресла и взъерошил пятерней свою кудрявую шевелюру.

– Что-то сухогруз запаздывает, – показал он на экран радара, – а, нет, кажется, появился.

– Это он, ты уверен?

– По времени – он, – уверенно произнес Назарет, – да и по характеру движения.

– Хорошо, Боря, – кивнул Рокотов, – будем ждать. Он вернулся в ходовую рубку, где перед панелью управления дежурил Ивар, и озабоченно продолжил смотреть на дублирующий экран радара.

– Не нравится мне эта авантюра с ромом, – поморщился Сергей, – я согласился на это, только чтобы успокоить команду.

– Я тоже был против, – согласился штурман, – но думаю, все пройдет хорошо, как обычно.

– Не знаю, – покачал головой Рокотов, – Дудник сказал, что с реализацией проблем не будет, но только не верится мне что-то в эти крепкие связи на земле. Лучше отбить краба у япошек, браконьерничающих в наших территориальных водах, и сдать его другим япошкам.

– Ладно, кэп, – миролюбиво заметил штурман, – с ромом тоже можно провернуть неплохую аферу.

– Посмотрим. – Рокотов достал сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

Пока они говорили, сухогруз медленно, но верно приближался к «Сальмону». Наконец на экране радара они слились в одну точку, и Рокотов понял, что начался процесс перегрузки контрабандного рома с борта на борт. Сергей знал, что это займет определенное количество времени, и собирался выйти на палубу, но штурман остановил его.

– Послушай, Рок, – сказал он, попыхивая своей короткой трубкой, – если я правильно понял, ты терпеть не можешь наркотики.

– Ты правильно понял, штурман, – напрягся всем телом Рокотов, – но, может, у тебя другое мнение?

– Кто-то из твоей семьи пострадал из-за них? – Ивар не ответил на его вопрос.

– Сестра, – кивнул капитан, – она ввела себе слишком большую дозу. А может, кое-кто ей в этом помог.

– Ты знаешь кто?

– Знаю. И этот ублюдок не будет спать спокойно, пока я живу на этом свете. Я заставлю его страдать так же, как страдаю я сам.

– Значит, все, что мы делаем, мы делаем ради твоей мести?

– Не все ли тебе равно, штурман? – Сергей бросил на Ивара неприязненный взгляд. – И потом, разве все мы мало заработали на трепанге, пойле и крабе? Тот ничего не ответил.

– Ладно, извини, – сказал Рокотов, немного успокоившись, – я погорячился.

– Да мне-то все равно, как ты выразился, – Ивар пускал кольца дыма, – только вот ребята не все тебя понимают.

– А я никого не держу, – закашлялся капитан, – я уже говорил об этом. Ну, – он хлопнул Ивара по плечу, – готовься, скоро нам встречать наших клиентов.

* * *

Взрезая носом волну, «Вэндженс» стремительно шел наперерез «Сальмону». Тот уже отвалил от «грузовика» и направлялся в сторону Тарутинского порта. Они должны были встретиться в открытом море минут через двадцать. В рубку ввалился боцман. Его лысина блестела, как штиблеты английского матроса, во рту дымился короткий окурочек сигары, а глаза блестели от только что принятого «доктора».

– Дело дрянь, капитан, – он ткнул толстым пальцем в сторону материка, где над горизонтом собирались низкие белые облака, – скоро будет шторм, чтоб меня раздавило в Марианской впадине.

– Возможно, Степан Ильич прав, – штурман покосился направо, куда показывал боцман. – Может, отменим операцию?

– Нет, – Рокотов покачал головой, – будем действовать быстрее.

– Кэп, – боцман всем телом повернулся к Сергею, и тому показалось, что он сейчас накинется на него, – если ты думаешь, что ребята не поймут...

– Мне плевать на то, что подумают ребята, – оборвал его Рокотов, – решение принято.

– Как скажешь, кэп. – Череватенко развернулся и, слюнявя свой окурочек, вышел из рубки.

Через десять минут на горизонте показался силуэт небольшого судна. Рокотов видел его на экране радара, но все же решил уточнить, не ошибается ли он.

– Назарет, это «Сальмон» у нас на траверзе? – спросил он по внутренней связи.

– Точно, капитан, – отозвался Назарет, – через десять минут будем рядом с ним.

– Понятно. – Рокотов отключил микрофон и посмотрел на горизонт, но не туда, где маячило судно Чеботарева, а туда, где кучерявились облака.

Они уже не выглядели безобидно, как сбившиеся в отару барашки, а скорее походили на огромную приготовившуюся к прыжку кошку.

– Всем стоять по местам, – снова передал он по внутренней связи и услышал, как Череватенко дублирует его командупри помощи боцманской дудки.

Он уже не опускал микрофон переговорного устройства, чтобы не терять связи с экипажем. Когда до «Сальмона» оставалось не больше пяти кабельтовых, он связался с судовым радистом.

– Палермо, найди их волну и передай, чтобы стопорили машины. Дудка, – теперь он обращался к старшине боевого расчета, – если не послушают, дай очередь из зенитного пулемета.

– Дадим, капитан, – услышал он довольный голос Дудника.

– Только не прицельно, стреляй поверху, – предупредил его Рокотов. – Назарет, доложи обстановку.

– В радиусе десяти миль чисто, капитан.

– Отлично, средний ход.

На «Сальмоне» «Вэндженс» заметили давно, с тех пор, как он появился на горизонте. Чеботарев – владелец судна – почти никогда не выходил в море, поэтому кораблем управлял его помощник – капитан Райков. Когда ему сообщили о командах с торпедного катера, он не сразу смог оценить обстановку. Сперва он подумал, что это пограничники. Но когда в бинокль стало видно, во что одета команда «Вэндженса», ему все стало ясно.

На «Сальмоне» было оружие, и его команда смогла бы отбиться от пиратов, идущих на корабле его типа, но против торпедного катера, на палубе которого появилась торпедная установка, «Сальмон» бы не выстоял. Райков отдал приказ: «Стоп машины», и корабль лег в дрейф.

«Вэндженс» обошел «Сальмон» левым бортом и медленно приближался к нему со стороны кормы, когда на ют рыболовецкого судна высыпала вся команда с оружием наперевес. На борту корабля был закреплен двадцатифутовый морской контейнер, и Рокотов понял, почему

встреча «Сальмона» с грузовым судном завершилась так быстро: ром не стали перегружать в коробках, а просто закинули на «Сальмон» контейнер.

– Нам нужен только товар, – передал Рокотов по радиации, – если вы не будете сопротивляться – останетесь в живых. Опустите оружие и не дергайтесь.

– Отставить, – Райков понял, что сопротивляться бесполезно.

После того, как оба судна сошлись бортами и команды закрепили швартовы, Рокотов первым ступил на борт «Сальмона». Навстречу ему вышел Райков. Маленький и коренастый, со скандинавской бородкой, он походил скорее на гнома из сказки, чем на капитана корабля. Но взгляд Райкова, каким он смотрел на капитана «Вэндженса», не предвещал ничего хорошего.

– Пойдем перетрем, – Райков взял Рокотова под руку и повел на корму.

– Нечего тереть, – Сергей подошел к контейнеру и, сорвав пломбу, открыл створку, – я забираю товар.

Ром был упакован в картонные коробки по двенадцать бутылок в каждой.

– Около десяти тысяч бутылок, – прикинул он на глаз и кивнул Череватенко, – приступайте, и быстрее.

Боцман тут же организовал выгрузку силами команды торпедоносца, но команда «Сальмона» пока не принимала в этом участия.

– Прикажи своим людям, чтобы помогли, – Рокотов зыркнул на Райкова, – скоро шторм нагрянет.

– А мне-то что, – ехидно улыбнулся Райков, – теперь это твоя проблема.

– Давай быстро, – Рокотов выхватил девятимиллиметровый «вальтер» и, взяв капитана «Сальмона» за отворот куртки, ткнул стволом ему в щеку, – если не хочешь, чтобы твои мозги жрали акулы.

– Ладно, ладно. – Райков понял, что Сергей не шутит, и приказал членам своей команды помочь перегрузить товар.

Те неохотно повиновались. Попрятав оружие, они встали в цепочку вместе с экипажем «Вэндженса». Пока перекидывали коробки с ромом, волнение моря усилилось. Швартовы, стягивающие вместе два корабля, то напрягались, как перетянутые гитарные струны, готовые в любую секунду лопнуть, то ослаблялись, и тогда кто-нибудь из матросов еще сильнее намазывал их на корабельные кнехты, заставляя кранцы из зилевских покрышек сжиматься будто поролоновые. Облака, пришедшие с северо-запада, превратились в тучи, заслонившие почти половину неба. Рокотов видел, что боцман, командующий перегрузкой, тоже бросает в сторону материка обеспокоенные взгляды. Сунув «вальтер» за пояс, Сергей собирался уже присоединиться к команде, но капитан «Сальмона» остановил его.

– Ты же понимаешь, Рок, – Райков схватил Рокотова за рукав, – что тебе это даром не пройдет. Товар принадлежит Чеботарю, и он так просто с ним не расстанется.

– Пусть он сначала найдет меня, – усмехнулся капитан, – тогда и поговорим.

– Здесь товара почти на триста тысяч баксов, – не унимался Райков, – думаешь, Чеботарь сделает тебе такой подарок?

– Ну, во-первых, это не подарок, – наблюдая за перегрузкой, ответил Сергей, – это наша добыча, во-вторых, триста тысяч – это ты загнул. Максимум, что за него можно срубить, учитывая, что нет никаких документов, – это сотня тысяч зеленых, а в-третьих, если Чеботарь хочет, могу уступить ему товар за треть стоимости, так ему можешь и передать. Вам же он достался почти бесплатно. Считаешь, это не честно?

На самом деле Рокотов не собирался продавать Чеботарю его собственный товар. Это было бы верхом наглости. Он еще просто не знал, как поступит с ромом. Он пошел на эту авантюру, поддавшись давлению команды, и теперь жалел об этом. Впрочем, сдать по дешевке

небольшую партию спиртного не было очень уж большой проблемой. В конце концов для этого можно было стонять на материк.

Естественно, это было рискованней, чем скинуть ром на Таруте, но и прибыль можно было получить большую.

– Смотри, Рок, доиграешься, – насупившись, ответил Райков, – Чеботарь такие вещи не прощает.

– В гробу я видал твоего Чеботаря, сам лижи ему задницу, если тебе это нравится.

Райков весь покраснел от такой наглости. У него середь бела дня, в открытую, забирают товар да еще попрекают в лизоблюдстве. Вспомнив свое боксерское детство, он неожиданно выбросил из-за спины крепко сжатый кулак, с силой ударив Рокотова в живот. Другой рукой он провел прямой в челюсть, надеясь сбить противника с ног.

Рокотов ожидал от него чего-то подобного. Он заметил, как тот передвинул ноги, приняв удобную для удара стойку, и успел вовремя самортизировать силу удара в живот. Прямой же вообще не достиг цели: отведя его блоком правой руки, Рок ею же нанес Райкову чувствительный уракен в нижнюю челюсть.

По Таруте ходили слухи, что новоявленный капитан Рок, будучи в Южной Корее, обучался восточным боевым искусствам, но сталкиваться напрямую с ним, Рокотовым, еще никому не приходилось. Капитан «Сальмона» первым оценил его умение.

Если бы Рокотов провел удар чуть сильнее, он просто-напросто выбил бы челюсть капитана из суставов, и самое малое, что тогда бы грозило Райкову, это вправление в береговом военно-морском госпитале, в худшем же случае ему пришлось бы подвязывать челюсть тесемочкой и всю оставшуюся жизнь питаться исключительно пюре и манной кашей.

Но ему повезло: от удара он просто остолбенел на какое-то время, поскольку все произошло так быстро, что он даже моргнуть не успел. Он помотал головой, глядя замутненным взором на Рокотова, и снова кинулся в атаку. Он бил с обеих рук, вкладывая в удары все свое умение и силу, стараясь передвигаться стремительно и неуловимо, что при его комплекции делать было не так просто, но ни один из его ударов так и не достиг цели. С небрежной усмешкой глядя на него, Рокотов легко уходил от прямых ударов или отражал самые замысловатые. Когда секунд через пятнадцать мокрый от пота, сопящий, как морж, Райков остановился, чтобы перевести дух, Сергей одним неуловимым движением двинул его к краю палубы и завалил на фальшборт.

– Если ты не перестанешь дергаться, клоун, – с холодной яростью зашептал он ему на ухо, – я отправлю тебя немного охладиться. Скажи своим, чтобы притухли, а то всех здесь оставим крабов кормить. Видишь, какая у нас машинка на турели? – Он повернул голову Райкова так, чтобы тому был виден сорокапятимиллиметровый зенитный пулемет. – Изрубим в капусту.

Кое-кто из команды «Сальмона» заметил эту стремительную потасовку. Люди на кораблях, подобных «Сальмону», ходили горячие, поэтому, побросав коробки, некоторые кинулись было на подмогу своему капитану: одно дело отбить товар, используя перевес в силе и скорости, – с этим они как-то еще могли смириться, это было как бы негласным правилом – кто сильнее, тот и съел, и другое – когда на твоих глазах навешивают твоему же капитану.

Команда «Вэндженса» пока не трогалась с места, ожидая приказа, но все замерли в напряженном ожидании, а кое-кто потянулся за оружием.

Капитан «Сальмона» понял, что дальнейшее сопротивление может привести к необратимым последствиям. Когда-нибудь, возможно, очень скоро, уж он приложит к этому все усилия, он оплатит за обиду этому длинноволосому человеку со шрамом на лбу, но пока было не его время.

– Ша, пацаны, стоять на месте, – Райков отсемафорил своим матросам, – это мы так шутим, не видите, что ли? Давай, ребята, быстрее сгрузим этот гребанный ром, нам еще до берега добираться!

Моряки «Сальмона» снова нехотя встали по местам, передавая коробки из рук в руки. Проверив, много ли еще груза осталось в контейнере, Рокотов вернулся на борт «Вэндженса». Погода неумолимо портилась. Ветер все усиливался, неся с собой грозные тучи, так что с минуты на минуту мог начаться хороший ливень. Чтобы не заниматься этим во время шторма, ящики с ромом сразу же спускали в трюмы, где устанавливали в два ряда, во избежание падения.

До конца погрузки больше не произошло никаких эксцессов. Как только швартовая команда приняла концы, торпедный катер тут же отвалил от «Сальмона» и, идя крутым галсом против ветра, направился к знакомому острову.

ГЛАВА 7

Обогнув южный шкентель острова так, чтобы не зацепить тянущиеся вдоль берега барьерные рифы – спасибо сонарам, с которыми лихо управлялся Назарет, – груженный контрабандным ромом «Вэндженс» вошел в изогнутую буквой С бухту и встал на якорь. Войти в узкий проход, да еще при шторме, было делом непростым: море грозило при малейшем промахе расплющить корабль о скалы, но управляемый уверенной рукой «Вэндженс», словно рыбка в норку, проскользнул в безопасную нерукотворную гавань. Это была удобная губа, защищаемая с трех сторон от ветров почти отвесными скалами, вершины которых были покрыты скудной растительностью.

Море и здесь, внутри губы, насупилось, набухло непогодой, стало темно почти как ночью, огромные, слитые в единую пепельно-бурую клубящуюся громаду тучи обложили северо-запад. На востоке небо было по-прежнему белесовато-голубым, точно вылинявшая на солнце тельняшка. Такой контраст между начавшимся штормом с одной стороны и светящимся бледно-голубой улыбкой небом – с другой не вызывал у команды «Вэндженса» никакого удивления. Такое случалось здесь часто. Когда небо на западе было черным и дождливым, небесный свод над Тихим океаном иной раз поражал своей безоблачной густой синевой.

Но всем было понятно, что на этот раз идущий с северо-запада фронт затянет серо-сизой пеленой и восточный окоем и скорее всего домчится до Минамитори. Ядовито-желтые молнии разрезали плотную небесную завесу яркими зигзагами, зловещие раскаты грома взрывали бурлящую бездну циклона, и вся эта лавина содрогающегося неба, вздыбленных волн и обрушивающегося в них огня неслась сейчас в восточном направлении.

– И нас накроет, – провидчески заметил Назарет.

– Как пить дать! – подтвердил Палермо. – Вовремя мы с ромом управились.

На его смуглом, немного вытянутом лице растеклось выражение крайнего удовлетворения. Но оно внезапно исчезло, уступив место озабоченности. Его черные глаза, похожие в минуты тревоги или напряженного раздумья на провалы, метнули в Назарета черную молнию вопроса, словно Палермо терялся в догадках, как тот прореагирует на его следующее замечание.

– Я вообще не понимаю, зачем нужно было так рисковать с наркотой, если на роме можно не меньшие бабки делать?

– Вот ты чудак итальянский, – добродушно усмехнулся Назарет, – так это чтоб ее на дно спустить. Это не для коммерции. Вы, итальянцы, народ торговый, не можете понять русского бескорыстия.

– Особенно когда оно налетает порывами, прямо как ветер, – засмеялся Палермо, поправляя наушники. – Между прочим, Америку мой земляк открыл, так что прошу не записывать нас в торговцы!

– И что потом было? – иронично посмотрел на горделиво приподнявшего подбородок Палермо Назарет.

– Что было? Слава и золото! – воскликнул радист.

– Вот именно! Скольких людей покоцали, и все ради наживы!

– А мы не тем же самым занимаемся? – насмешливо глянул на радиометриста Палермо.

– Не в таких пропорциях, – усмехнулся тот.

– Черт бы побрал этот шторм! – с досадой воскликнул Палермо.

– Не терпится денежки за пойло получить? – поддел его Назарет.

– Только не корчь из себя Иисуса Христа, – сказал Палермо и сам прыснул со смеху.

Кому, как не Назарету, было корчить из себя Христа! Его лицо, волнистые волосы и борода часто заставляли вспомнить облик рожденного в Вифлееме Учителя.

– Стоп! – Палермо взял телефонную трубку. – Кто-то ресницами шуршит.
«Вэндженс», – коротко сказал он. – Да... да... сейчас.

Палермо связался по внутренней связи с Рокотовым.

– Лист звонит по спутниковому, дело есть к тебе. Принести «трубу» или сам придешь?

– Сам, – ответил Рокотов и отправился в рубку. Рокотов поднялся по трапу на палубу, где боцман, пыхтя сигарой, что-то энергично объяснял Киму. Вскоре к ним подошел Дудник.

– Что, кэп, – подмигнул Череватенко Рокотову, – погода дрянь, мать ее в цюцюрку! Сколько тут еще зависать будем?! Может, чего крепкого?

Он заговорщицки взглянул на Кима. В раскосых глазах, как и на всей физиономии последнего, было невозможно прочесть ни одной эмоции.

– Можно, только не напиваться! – строго предупредил Рок и поспешил в рубку.

Войдя, он схватил трубку спутникового телефона.

– Слушаю.

– Слышь, Рок, – узнал он сипловато-раскатистый голос Феклистова, – здесь вот какое дело: Михей чего-то с тобой перетереть хочет. Я сказал ему...

Вызванные бурей помехи смыли конец фразы. Потом из скрипяще-жужжащего облака снова выплыл голос Феклистова.

– Черт, что за бл...! Не знаю, я ему сказал... я, говорю, с Рокотом дел не веду. Он у меня номер твой спрашивал, так я не дал.

– Молодец. И что хочет Михей?

– Говорю же, базар у него к тебе есть, – ответил Феклистов.

– Не о чем мне с ним говорить, – отрезал Рокотов.

– Он предлагает встретиться в «Сороковой параллели» завтра в десять. Ты как? Если не согласишься, этот мудила подумает, что я тебе ничего не передал или что ты сдрейфил, – сипло рассмеялся Феклистов.

– Нечего мне бояться, – скрывая раздражение, проговорил Рок.

– Ну так что мне ему передать? – не отставал Феклистов.

– Передай, что я подумаю. Или, может, ты сам...

– Не-ет, я разговаривать с Михеем не буду, – снова рассмеялся Феклистов. – Ты уж сам.

– Ну так перезвони мне завтра, скажем, часиков в семь вечера. Я дам ответ.

– Заметано, – обрадованно подытожил Феклистов. – Как тебе тайфунчик? – с добродушной усмешкой спросил он.

– Ничего себе, – улыбнулся невидимому собеседнику Рок.

– В такую погоду только водку жрать да баб трахать! – с сухим надрывом засмеялся Феклистов. – Ну, бывай!

Феклистов, еще один предводитель пиратской братии, с которым когда-то вместе посещал местный спортивный клуб Рокотов, особо с Михеем дружбу не водил, если можно говорить о дружбе в воровской среде, но на скандалы не нарывался. Пока их противостояние было подобно тому равновесию скрытой злобы и трезвого расчета, какое установилось между СССР и США в период «холодной войны». Феклистов был единственным бандитом, чьи суда Рокотов не грабил. И если их отношения с Феклистовым, известным в широких кругах под кличкой Лист, тоже нельзя было назвать пламенной дружбой, все же они друг другу старались помочь, если это не слишком их напрягало. Это было спокойное деловое приятельство, в некоторых случаях стойшее горячей, но переменчивой дружбы, когда друзья то лобызаются, то дерутся в кровь.

К тому моменту, когда Рок переговорил с Листом и перебросился парой слов с Палермо и Назаретом, команда «Вэндженса» собралась в кают-компани. Ключья бури, ее тревожные позывы долетали и до этой мирной бухты, столь гостеприимной и знакомой. Тяжелые чернильно-серые волны докатывались до «Вэндженса», приглушенные полукружьями скал, обра-

зующих нечто вроде ворот. Непогода была темой общей беседы. Как обычно, громогласный баритон боцмана перекрывал все голоса.

– Ну и буча, – урчал он, сам подобный разбуженному морю, – этак нас к Гавайям отнесет. Давай, парусник ганзейский, – кивнул он Шурику, исполнявшему обязанности гарса, – разливай «доктора»!

На столе, кроме приборов, были расставлены блюда с закусками, мягко говоря, необычными для рациона моряков: салат из капусты со свининой, заправленный соевым соусом, знаменитое кимовское хе, корейская морковь, сбрызнутая лимонным соком, лососина и черная икра.

– А картошка? А сало, чтоб кашалот меня изуродовал как камбалу? – рокотал Череватенко.

– Сашка, – посмотрел на разлившего спирт по чашкам гарса Дудник, – сгоняй на камбуз за картошкой с салом, а то боцману закусить нечем!

– А ты не смейся! – почувствовал издевку в замечании Дудника боцман. – Ату тебя в цюцюрку!

– Они на этом с Агды и сошлись, – засмеялся бесстрашный Дудник, – только она тюлений жир предпочитает, а боцман – свиное сало.

В этот момент в кают-компанию друг за другом вошли Немец, Назарет и Палермо. Они расселись на свободные места.

– Вот Палермо не повезло, – подхватил молча улыбавшийся до того Герман, – здешние бабы не натираются оливковым маслом!

– Мне дорога память о родной Италии, – с шутивным пафосом начал Палермо, – а вас прошу не иронизировать. И потом, – он взял свою кружку, – где ром?

– Ром – не напиток, – выдал Дудник, – а товар! И вообще, закуска больше к «доктору» подходит. Я прав, боцман?

– Прав, трезубец тебе в задницу! – прогрохотал Череватенко. – А-а! – издал он победный клич. – Вот и картошечка!

Сашка внес в кают-компанию кастрюлю с холодной отварной картошкой и завернутый в целлофан ломоть соленого сала.

– А как Агды смотрит на картошку? – не отставал от Червя Дудник.

– Когда боцман с Агды, я верно говорю, – вмешался Палермо, – она вообще никуда не смотрит. Итальянцы понимают в этом толк...

– Да ни хрена вы Агды, семь ветров вам в задницу, не знаете! – издал вопль боцман. – Это у нее такой имидж – дикую чукчу изображать. Этого от нее требуют разные там козлы, которых в детстве мама уронила.

– А все же, – не умолкал Дудник, – познакомь с дамочкой! Надену срок с шевроном, мицу с вышитым крабом, ботинки с отрезанным рантом и пойду до «Куражу», – с веселой издевкой запел он, – ботиночки с титановой подковкой, я не простой моряк, я за собой слежу.

Раздался ярый хохот.

– Сашка сочинил, – прокричал, перекрывая всеобщий смех, Дудник.

– Ну ничего, я завтра леера проверю, – угрожающе свел на переносице брови Череватенко, – мало не покажется, забодай вас Нептун!

Чтобы принять первую дозу, все ждали капитана. Наконец он появился. Шумное веселье сбавило свои обороты. Команда воззрилась на эпа. Он сел, обвел всех спокойным взглядом, как бы удостоверясь, что все на месте, и кивнул, взявшись за свою кружку.

– Ну, морячки, давайте вздрогнем! – поднял кружку Дед, как называли на корабле главного механика.

– И то дело! – горячо поддержал Череватенко.

– За Агды! – не унимался Дудник.

– Я ей передам, она проверит на тебе свой хлыст! – засмеялся боцман, не терпящий, когда кто-либо из команды при всех заговаривал о его нежной привязанности к бордельной громиле.

– Нет, я слишком... как это... – подыскивал слова Дудник, – стар, что ли, для нее. Говорят, она любит мальчиков.

Он со значением покосился на Сашку и Лешку.

– Ты, мать твою в три оборота, намекаешь на то, что я юнга безусый? – раскипятился Череватенко.

– Остынь, Червь, – улыбнулся Рокотов, – Дудка просто завидует.

– А чего мне завидовать? – вызывающе усмехнулся Дудник. – Я что, не могу купить себе час в ее чуме?

– Я те куплю, медуза ты лохматая! – завопил боцман. – Я тя вот этими руками за борт скину, вот там и ищи себе русалку!

– Боюсь, что он, – хладнокровно вставил Ивар, – относится к тому виду материи, которая не тонет. Так что лучше его вздернуть под подволоком.

– Набросились на воина! – укоризненно покачал головою Дед. – Он, может, так свой интерес выражает.

– Чур меня, чур, я пока не рехнулся, – засмеялся Дудник, – я девушек лирических люблю, чтоб на берегу ждали, а не мальчиков лупили.

– Агды сказала, – понявший, что просто так Агды в покое не оставят, боцман решил представить ее образ в другой плоскости, придав ее ремеслу таинственную серьезность деятельности Маты Хари, – что Луганов-младший к ней зачастил. Беседует с ней по душам...

– И только? – с лукавой иронией взглянул на боцмана Герман. – А больше они ничем не занимаются?

– Норд-вест тебе в рожу, – опять расสวิрепел Череватенко, – колумбовый трепак тебе на шкентель!

– Агды будет нашей Генуей, – делая ударение на «у», пошутил Дудник, имея в виду радиста Палермо, – Березка, Березка, я – Кураж... – изобразил он радиста, шлющего позывные.

Все опять засмеялись, даже Череватенко, раскрасневшийся, мечущий грома и молнии, забыл на миг о своей обиде и разразился хриплым, как штормовой ветер, хохотом.

– Тихо! – подал голос Рокотов. – По-моему, вы хотели выпить. Сколько мне с кружкой в обнимку сидеть? Но вот незадача... – он сделал паузу, – видя, как вы веселитесь, я подумал: может, вы без «доктора» обойдетесь? Вам и так весело.

– Извини, кэп, – расправил нахмуренные брови боцман – после приступа смеха он снова принял неприступно-обиженный вид, – давайте выпьем за ясное утро.

– Ну ты и поэт! – усмехнулся Дудник и почти синхронно с другими осушил свою кружку. – Да, кстати, а черненьких она не любит? – принялся он снова ехидничать.

Мумба улыбнулся ослепительной африканской улыбкой.

– Хва над мальцом издеваться! – воскликнул боцман.

– Ага, хва, да если бы только кто Мумбу нашего просветил насчет того, что вот такие, как ты, на своих линейных кораблях и подводных лодках некогда уничтожили рыболовецкий флот Анголы! Не-ет, не ради идеи марксизма и гребаного ленинизма. А чтобы африканцы наши суда фрахтовали! Чем не мафия, чем не шантаж? – Обычно флегматичный и если и иронизирующий, то с неизменной наплевательской усмешечкой Дудник говорил теперь с непривычным возбуждением.

– Чуть! – боцман грохнул ладонью о стол. – Никого мы не уничтожали.

– Ну, ты у нас знатный марксист, вовек не сознаешься... – пожал плечами Дудник.

– Дело старое, – вмешался Немец.

– От этого оно не стало менее подлым, – с презрительным видом усмехнулся Дудник.

– А теперь выпьем за удачу, – Рокотов смерил тяжелым долгим взглядом расшумевшихся пиратов, – она нам завтра не помешает.

Утихомирившись, все взялись за кружки, куда за минуту до сообщения об Анголе Сашка налил «доктора».

– Мыр, дружба! – пародируя акцент африканских и азиатских студентов, приехавших учиться в Россию, сказал Назарет, глядя на смущенно улыбавшегося Мумбу.

Мумба на свою жизнь на корабле не жаловался. Здесь его никто не называл ниггером или черной задницей, а только Мумбой или черненьким. Здесь добыча делилась поровну, а люди были хоть и языкастые, задиристые, но по-своему добрые и теплые. И если честно сказать, ему не было никакого дела до рыболовецкого флота своей нищей родины, он тогда еще не родился. Рыболовное прошлое Анголы, разгром кораблей и прочие сведения, касающиеся его родины, были для него чем-то вроде преданий.

– Завтра мы высаживаемся в «Параллели», – проговорил Рокотов, когда, выпив спирт, все поставили кружки на стол, – надо договориться о продаже рома. Там будет Михей, он хочет со мной чего-то перетереть. Речь, конечно, пойдет о наркоте. Я забил «стрелу» на десять вечера. Мы поступим так: со мной отправятся Дудка, Дед, Герман и ты, Шурик. Пришвартуем катер, мы пойдем в кабак, а ты, Герман, возьмешь тачку и будешь ждать Михея неподалеку от бара. Как только он подъедет, дашь мне сигнал на сотовый. Завтра в семь я ему продиктую условия встречи. Если он так жаждет со мной пообщаться, думаю, условия он примет. С ним должно быть не более трех человек, нам не нужны неприятности. Ты, – взглянул он на Немца, – останешься с Червем на корабле. Старший – боцман.

– Думаешь, Михей обрадуется, если ты ему скажешь, что сделал с его товаром? – усмехнулся Дудник.

– Конечно, нет. Но у нас, кроме разборок с Михеем, есть еще одно дело на берегу. И я, кроме того, не хочу позволить этой сволочи считать меня трусом.

– Риск – благородное дело, – качнул головой Дед. – Но все же стоит ли так подставляться?...

– Заодно и развлечемся! – воспрянул Дудник, когда понял, что решение принято окончательно и бесповоротно.

– А нам тут что, «доктор» трескать и вас ждать? – насупился боцман.

– Ты бы, конечно, предпочел в «Кураж» слетать к своей неукротимой Агды, – язвительно пошутил Дудник.

– Отставить! – возвысил голос Рок. – Я, кажется, дал вам возможность выпустить из легких пар. Завтра нас ждет насыщенный во всех отношениях день.

– Если, конечно, шторм утихнет, будь он неладен, – прокомментировал боцман.

ГЛАВА 8

К рассвету шторм утих, к вящему удовольствию боцмана и команды, но «Вэндженс» не торопился сниматься с якоря. Боцман, похмелившись с утра, затеял на катере уборку. Работа нашлась для всех. Когда-то, в бытность молодым, Степан Ильич служил сигнальщиком на линейном корабле и был, в свою очередь, приучен к порядку его боцманом, который всегда умел найти работу матросу, если тот попадался в его поле зрения и руки у него не были заняты. Тогда он заставлял его драить леера, смывать палубу или давал ему в руки банку краски и велел что-нибудь красить. Обычно, после того как уборка была закончена, боцман выходил на верхнюю палубу, снимал с головы свою мицу – фуражку, верх которой был обтянут ослепительно белой материей, и пускал ее словно шайбу по палубе. Мица крутилась как волчок, скользя по продолу – среднему проходу, – пока не замирала в двух десятках метров от боцмана. Неторопливой походкой, заставляя сердца матросов содрогаться в такт его шагам, он подходил к фуражке, брал ее за лакированный козырек, поворачивал тыльной стороной к своим хитрым глазам и долго-долго рассматривал с задумчивым видом, словно никогда раньше не встречал такого головного убора. Если на белом он замечал хоть одно, самое маленькое пятнышко, которое и в микроскоп было бы непросто разглядеть, – пиши пропало, все начиналось сначала: матросы снова таскали по палубе машу – обрубок рельса со щетиной, красили, драили, разносили якорную цепь для просушки и все в таком духе. Зная, что теперь на продоле не найдешь и пылинки, боцман поступал по-другому. Он вынимал из кармана накрахмаленный батистовый платок бело-лунного цвета, словно ходовой огонь на мачте, и проводил этим сияющим платочком по лееру. Каким он становился грозным, как у него сходились брови на переносице, если платок не оставался таким же девственно чистым, как в тот момент, когда он достал его из кармана!

В общем, Червь, натасканный на линкоре, знал, где может задержаться самая малая пылинка, поэтому за порядком на торпедном катере следил исправно, и хотя команда «Вэндженса» была несколько необычной, Степан Ильич ко всем умел найти подход и всем найти занятие.

Через несколько часов, когда уборка была закончена, палуба в последний раз смыта чистой пресной водой из баков и команда заняла свои места, торпедный катер поднял якоря. Рокотов решил, что раз уж все равно нужно высаживаться на берег, чтобы найти покупателя на филиппинский ром, почему бы ему не встретиться с Михеем? Фактов, подтверждающих, что героин захватила команда «Вэндженса», у того не было, а Химик вряд ли будет вообще говорить про наркотик, поэтому был шанс, и довольно большой, что Михей не сможет ему (Рокотову) предъявить ничего конкретного. А между делом на берегу можно было выяснить много полезного насчет того, кто чем дышит, и разузнать об одном человеке, особенно волновавшем Сергея.

Выйти из губы, тем более в спокойную погоду, было делом нехитрым, но здесь Рокотова ждал неприятный сюрприз. Дело в том, что скалы, прикрывавшие бухту от непогоды, не пропускали не только порывы ветра, но и сигналы радара. Поэтому проверить, насколько чист горизонт, можно было, лишь выйдя из бухты. К тому же губа не позволяла катеру таких размеров, как «Вэндженс», в ней развернуться, и двигаться приходилось вперед кормой.

Когда корма катера уже была в море, а нос еще находился в узком проливе, радары запеленговали посторонний объект.

– Справа по борту, около двух миль, корабль, – передал по внутренней связи Назарет, – водоизмещение, судя по сигналу, около сорока тонн. Возможно, небольшой тральщик.

Это был не тральщик. Сергей и без подсказки радиометриста увидел корабль, в силуэте которого угадывались отнюдь не очертания мирного рыболовецкого судна. Подняв к глазам

бинокль, он тут же определил в корабле сторожевой пограничный катер с номером «четыре» на борту, дрейфующий по течению.

Старпом, слышавший доклад Назарета, тоже посмотрел в направлении сторожевика.

– Неспроста он здесь ошивается, – сверкнул он стеклами очков.

– Это «четверка», – подтвердил опасения Ивара Рокотов, – этот Аника-воин теперь вцепится в нас словно клещ. Я даже не думал, сказав вчера, что день нам предстоит насыщенный, насколько я прав.

Капитан «четверки» – Вадим Аникин – был на Та-руте довольно известной личностью. Непримируемый воин – так можно было его коротко охарактеризовать. Он был солдатом в полном смысле этого слова. Четко, фактически дословно выполнять приказы вышестоящего командования было для него первейшим делом. В то же время, как ни странно это звучит, для него не существовало авторитетов. Аникин не пил, не курил, не брал взяток, с ним невозможно было договориться, как с большинством других офицеров-пограничников.

– Надо уходить, – кивнул Ивар, – пока он нас не сцапал.

– Если мы не подчинимся команде, – ответил Сергей, – он откроет по нас огонь как по нарушителям.

– А если подчинимся, – размышлял штурман, – он арестует нас за провоз контрабандного груза. Что, по-твоему, лучше? К тому же, когда «Вэндженс» поставят на прикол в порту, он лично проверит каждый его закуток, облазает все трюмы. И что же он там обнаружит? Оружие. Можешь быть уверен, он раскрутит все это на полную катушку. Сколько нам светит?

– Черт бы побрал этот ром и этого Анику-воина, – Рокотов едва не плюнул от досады на палубу. – Будем уходить. Скорость у нас немного больше, так что в открытом море он нас не достанет.

– Если не пустит нам вдогонку торпеды.

К этому времени «Вэндженс» уже полностью вышел из бухты и имел возможность для маневра.

– Полный вперед. Лево руля. Курс зюйд-зюйд-вест, – приказал Рокотов.

«Четверка», казалось, только того и ждала, чтобы «Вэндженс» вышел из бухты. В бинокль было хорошо видно, как из выхлопной трубы сторожевика повалил черный дым – видно, дизтопливо было сильно разбавлено. Обычно сторожевые катера курсируют по кругу на границе территориальных и нейтральных вод. А здесь катер вдруг дрейфует с застопоренными двигателями, да еще в неурочное время. Если Аникин и не ждал именно Рокотова, потому как не мог наверняка знать, что его корабль вчера прятался здесь от шторма, то уж во всяком случае надеялся, что поймает какого-нибудь контрабандиста или другого нарушителя пограничного режима.

Степан Ильич вошел в рубку и захлопнул за собой дверь.

– Кораблядская ебомать, чтоб тебя кашалот разделал как камбалу, – слюнявя во рту сигару, он смотрел в сторону сторожевого катера, который уже набрал скорость и, вспенивая морскую гладь, несся наперерез «Вэндженсу», – чтоб тебе мортиры валом разнесло, мурена убогая. Он семафорит нам, Рок, чтобы легли в дрейф.

– Семафорит, говоришь. – Капитан посмотрел на сторожевик, и боцману показалось, что он принял какое-то решение. – Малый вперед.

– Ты что, Рок, – Червь бросил на него удивленный взгляд, – хочешь, чтобы этот пограничник сцапал нас с контрабандным грузом?

– Погоди, Червь, нужно просто узнать, чего он хочет. Разверни катер, чтобы он встал на встречный курс. Палермо, – он по внутренней связи обратился к радисту, – попробуй поймать волну «четверки».

– Готово, капитан, – отозвался Палермо, когда катера, идя встречными курсами, легли в дрейф.

– Двигатели не глуши, – сказал Рок боцману, а потом поднес к губам микрофон. – «Четверка», «четверка», «Вэндженс» на связи. Что вы хотели?

– Ничего особенного, – услышал он в динамике голос радиста «четверки» – сам Аникин не снисходил до общения с нарушителями, – мы должны осмотреть ваш катер.

– А в чем дело, мы что-нибудь нарушили?

В динамиках повисла напряженная пауза, видимо, радист «четверки» ждал решения Аникина. На палубе «четверки» выстроилась швартовая команда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.